

ИГОРЬ КОГАН

АЯ КЛИНИКА  
«ПРОМЕТЕЙ»

# ГЕНОМ ПРОМЕТЕЯ

# Игорь Коган

# ГЕНОМ ПРОМЕТЕЯ

*<https://litres.ru/73864181>*

*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Что, если ваши самые яркие воспоминания можно купить? А страх — продать по весу?

Леонид Светлов, учёный-нейрофизиолог, страдает от невыносимого дара: он чувствует эмоции окружающих как физическую боль. Его попытка найти научное объяснение оборачивается катастрофой и приводит его в «Эйдос» — элитную клинику, где под видом терапии торгуют очищенными чувствами.

Чтобы раскрыть правду, Леонид внедряется в систему и с ужасом обнаруживает, что его собственное прошлое — искусная подделка, а он сам числится в архивах как объект «Луч-1». Потеряв веру во всё, что знал о себе, он оказывается на грани безумия. Но именно там рождается новый Леонид — холодный, ясный и опасный для системы. Его единственная цель — не просто уничтожить «Эйдос», а найти «инструкцию» к самому себе, пока его уникальный дар не превратился в оружие против всего человечества.

Головокружительный психотриллер на стыке «Начала» и «Бойцовского клуба» о цене личности в мире, где эмоции стали валютой.

# Содержание

2026

5

Конец ознакомительного фрагмента.

143

# Игорь Коган

# ГЕНОМ ПРОМЕТЕЯ

КОГАН ИГОРЬ

*СЕМЬ КРУГОВ РЕАЛЬНОСТИ*

*КРУГ 1: ИЛЛЮЗИЯ ЛИЧНОСТИ.*

ГЕНОМ ПРОМЕТЕЯ

**2026**

## **АННОТАЦИЯ**

**Исследование границ «Я»  
в эпоху нейротехнологий.**

**Роман-гипотеза.**

**Что, если ваши самые яркие  
воспоминания можно купить?**

**А страх — продать по весу?**

**Леонид Светлов, учёный-  
нейрофизиолог, страдает от  
невыносимого дара: он чувствует  
эмоции окружающих как  
физическую боль. Его попытка  
найти научное объяснение  
оборачивается катастрофой и  
приводит его в «Эйдос» — элитную  
клинику, где под видом терапии**

# **Оглавление**

## **АННОТАЦИЯ**

**ГЛАВА 1. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ШУМ.....5**

**ГЛАВА 2. ТРУП/СОЖЖЕНИЕ ЕРЕТИКА**

**ГЛАВА 3. КОНСУЛЬТАЦИЯ**

**ГЛАВА 4. АБСОЛЮТНЫЙ ВКУС**

**ГЛАВА 5. МЕНЮ ГРЕШНИКОВ.....41**

**ГЛАВА 6. СВОЙ СЛЕД В БАЗЕ**

**ГЛАВА 7. ШОВ**

**ГЛАВА 8. АУКЦИОН**

**ГЛАВА 9. ХРАНИТЕЛЬ И КЛЮЧ.....112**

**ГЛАВА 10. КОНВЕЙЕР.....134**

**ГЛАВА 11. ТРЕЩИНА В ЗЕРКАЛЕ.....148**

**ГЛАВА 12. ПРОРОЧЕСТВА И ТРЕЩИНЫ.....168**

**ГЛАВА 13. РЕСТАРТ.....184**

**ГЛАВА 14. ПОДГОТОВКА И ГОВЯДИНА ПО-МАТВЕ-**

**ЕВСКИ203**

**ГЛАВА 15. ЗЕЛЁНЫЙ КОВЧЕГ**

**ГЛАВА 16. АЛГОРИТМ ДУШИ.....241**

**ГЛАВА 17. САД ИСКУССТВЕННЫХ ДУШ.....260**

**ГЛАВА 18. ЧАСТОТА ХОЛОДОНА.....284**

**ГЛАВА 19. БАНК ТЕЛА**

**ГЛАВА 20. ЖИВАЯ КОНСТАНТА.....332**

**ГЛАВА 21. САНИТАР**

ГЛАВА 22. СБОРКА МОЛНИИ

ГЛАВА 23. ДАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 24. ПРЕДЧУВСТВИЕ ВСПЫШКИ

ГЛАВА 25. ЧАСТОТА ХОЛОДОНА.

ГЛАВА 26. ДИАЛОГ СО СТРАЖЕМ.

ГЛАВА 27. ПУСТОТА ПОСЛЕ ГРОМА

ГЛАВА 28. ЧЕРТЕЖ ПАУТИНЫ.....468

ГЛАВА 29. ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ МАЯКА

ЭПИЛОГ. ЗАГАДКА И КЛЮЧ.....505

## ГЛАВА 1. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ШУМ

Леонид стоял в метро, подавляя 47 чужих панических атак. Он сделал виртуальную запись в своем «дневнике шума»:

*Состав 107. Плотность: 4.2 человека/м<sup>2</sup>. Фоновый эмоциональный шум: хаотичный, амплитуда высокая. Преобладают: усталость (42%), раздражение (31%), тревога (18%).* Протокол «Огнетушитель» активирован — его личная система подавления эмоций. Уровень: 70%. *Психофизиологическая цена: головная боль, тонус 4/10.* Ведение «дневника шума», как его называл Леонид, успокаивало его и позволяло оставаться наблюдателем, несмотря на то, что объектом был он сам.

Леонид стоял, вжавшись в стеклянную перегородку, и пытался не дышать. Вернее, дышал — коротко, прерывисто, ртом, будто воздух был густым и ядовитым. На языке —

привкус чужих несбывшихся надежд. В висках — тяжёлые, глухие удары чужого сердца, зажатого в тисках ипотеки. Он мысленно выстраивал барьер, слой за слоем, как учился годами: вот слой белого шума, вот слой собственного дыхания, вот цифры — мантры, отсекающие липкие щупальца чужих душ. Но сегодня барьер был хлипким, пористым. Сквозь него просачивалось всё.

Из гула колёс пробился бархатный, успокаивающий голос. Над головами пассажиров плыла голограмма — улыбающийся человек в лабораторном халате. «Чувствуете тревогу? — звучал голос. — Современная наука знает ответ. NeuroSync: технологии для гармонии». Баннер просканировал лицо Леонида и мгновенно сменился на другой: «Повышенная сенсорная чувствительность — это не приговор. Мы поможем вернуть комфорт».

#### ***08:19. Аномалия в секторе 4.***

*Женщина, 60+, мимозы. Эмоция: радость-ностальгия. Интенсивность 8/10. Чистота 95%. Сопротивление нулевое.*

Сквозь липкую пелену чужой апатии прорвался тонкий, звонкий ручей — тихая, глубокая радость. Не восторг, не эйфория, а именно радость: тёплая, почти золотистая. Леонид обернулся.

Пожилая женщина прижимала к груди потрёпанный букетик мимоз и смотрела в окно, улыбаясь. В её памяти всплывал образ — смутный для Леонида, но наполненный теплом:

маленькая девочка в платьице протягивает ей эти самые цветы. Дочь? Внучка? Не важно. Важен был сам сгусток любви — внезапный, яркий, как вспышка света в подземелье.

Он замер, позволив этому чувству на мгновение заполнить себя. Оно было чужим, как и всё остальное, но... не ранило. Оно грело. Это была кража — но кража, от которой не хотелось отмыываться. Блаженство длилось недолго. Пятнадцать секунд. Ровно. Поток прервался, сменившись привычной усталостью женщины, возвращавшейся с рынка. Но Леонид успел сделать мысленную пометку: *Последствие — кратковременное снижение фоновой тревоги на 15%.*

На потолке вагона, над рекламой NeuroSync, мигнул новостной тикер:

*«Минздрав: необъяснимые комы у детей в трёх регионах. Симптомы не поддаются классификации. Эксперты рекомендуют не паниковать».*

Леонид мельком прочитал — и тут же отреагировал телом: лёгкая тошнота, будто из-под кожи всплыл чужой, всепроникающий страх. Он резко отвёл глаза, мысленно выстроив барьер. Не моё, — отрезал он себе. Совсем не моё.

И в этот момент, когда его защита на миг ослабла, его накрыло новой волной. Не хаосом. Чем-то иным.

**08:21. Резкий сдвиг.**

*Мужчина, 40-45, серое пальто. Эмоциональный профиль: не хаос, а программа. Чистая, холодная решимость. Код: Суицид. Импульс стабилен, нарастает.*

Это было похоже на тиканье часов в пустой комнате. Тик. Поезд приближается к платформе. Так. Пальцы сжимаются. Леонид увидел его. Стоял у края платформы в двух вагонах впереди. Лицо — маска спокойствия. Но внутри — абсолютная, выверенная пустота. Решение было принято. Оставалось только сделать шаг.

*Протокол выживания диктует: не вмешиваться. Наблюдать. Собирать данные. Но данные уже собраны. Один шаг отделяет субъекта от рельсов.*

Леонид сжал зубы. Его собственная боль, его истощение — всё это было ничто по сравнению с этим ледяным, неотвратимым потоком небытия, который исходил от незнакомца. Он не мог.

Он закрыл глаза и сорвал все внутренние предохранители. Он не просто отключил «Огнетушитель» — он развернул его наизнанку, превратив механизм подавления в орудие взлома. Последний заряд энергии, который копился неделями для поддержания хрупкого баланса, он швырнул в ледяное сознание незнакомца. Он не посылал утешение. Он не искал причин. Он вломился в это холодное сознание, как взломщик, отыскивая хоть что-то живое. И нашёл. Обрывок. Девочка. Рыжие косички. Смех.

Он вогнал этот образ в сознание мужчины с силой эмоционального тарана.

Даже в этом акте вторжения его разум работал как прибор, фиксирующий данные: «Вскрытие: пульс мужчины 62,

*уровень кортизола 12 нг/мл. Решение: внедрить образ. Цена: мой пульс 112, дезориентация 8/10». Когда он взламывал мужчину, в голове проигрывался внутренний голос: «Тест на прочность: перегрузка на 140%. Прогноз: системный краш через 12 секунд. Рекомендация: не делай этого, идиот». Он сделал.*

И мир взорвался.

Протокол «Огнетушитель» не сломался — он разорвался изнутри. Боль была не белой и острой, а тёмной и вязкой, как смола, заливающая всё внутри. Звон в ушах перешёл в рёв падающего самолёта. Вкус меди на языке сменился привкусом сожжённых проводов. Зрение выключилось на долю секунды, оставив после себя нервный, кислотный отсвет. Его вырвало тихим, сухим спазмом, ничего, кроме желчи. Все шлюзы открыты. Системный краш.

Когда зрение вернулось, оно было искажённым, пиксельным. Он увидел, что мужчина в сером пальто пошатнулся и отошёл от края платформы. Он не плакал. Не молился. Он просто стоял, смотря перед собой потерянным, пустым взглядом. Программа дала сбой. Этого было достаточно.

### **08:23. Внешнее наблюдение.**

*Источник: мужчина, костюм, 2-й вагон. Не эмоция — отсутствие. Пустота. Цель: идентификация.*

Леонид, всё ещё не в силах выпрямиться, почувствовал это. Холодный, сканирующий луч. Как будто его психику ощупали стерильным, безжизненным инструментом. Он

поднял голову и встретился взглядом с незнакомцем в идеально сидящем костюме. На лацкане — маленький, почти ювелирный значок: тонкое серебристое перо, замкнутое в идеальный, без единого изъяна круг. Но дело было не в значке. От всего человека не исходило ничего. Ни единой эмоциональной волны. Как будто дыра в реальности, мертвая зона. В тех глазах не было ни любопытства, ни сочувствия. Только наблюдение. *Объект занесён в каталог.*

Незнакомец развернулся и растворился в толпе.

Леонид остался один, прислонившись к липкой от тысяч прикосновений стене. Вагон опустевал. В его ушах всё ещё стоял звон. Он сглотнул горькую слюну, пытаясь вернуть себе хоть каплю контроля.

*Протокол нарушен, — прошептал он мысленно, глядя на свои дрожащие руки. Стоимость: сенсорный перегруз, дезориентация, временная потеря моторного контроля. Обнаружение аномалии «эмоциональная пустота» подтверждено. Подозрительное наблюдение со стороны.*

Поезд тронулся. Леонид закрыл глаза, пытаясь отдышаться.

В институте он едва держался на ногах, когда увидел её.

Вера Тихонова стояла у окна, листая распечатку — его последнюю статью.

От неё почти ничего не исходило — ни зависти, ни фальши. Только лёгкое напряжение, как у человека, который то-

же не выпался.

Она прочитала его черновик. Она знала, что сегодня — бой не на жизнь, а на смерть его идей.

Их взгляды встретились. Она не улыбнулась. Просто кивнула — коротко, по-деловому.

Этого хватило. Он медленно выпрямился, делая новую запись уже в реальный, зашифрованный дневник на своём смартфоне, голосом, полным усталой иронии:

*«Реакция на стресс: пульс 112, зрачки расширены, внутренний диалог превращается в лабораторный отчёт. Вывод: система функционирует на пределе. Требуется сервисное обслуживание. Или полная перепрошивка».*

Он вышел на улицу, врзаясь в поток прохожих. В кармане вибрировал телефон — уведомление от института:

**«Заседание диссертационного совета: 14:00. Тема: «Волновая теория информационных фантомов в нейронных сетях».**

Леонид усмехнулся.

*Сегодня она либо станет законом. Либо — доказательством моего безумия. Третьего не дано.*

## **ГЛАВА 2. ТРУП/СОЖЖЕНИЕ ЕРЕТИКА**

Леонид почувствовал вибрацию смартфона. Входящий звонок. Незнакомый номер. Голос — резкий, без обёрток:

— Светлов? Это из института. Приезжайте. Быстро.

— Что случилось?

— Ваш коллега, Виталий Озеров... найден мёртвым. В лаборатории.

Леонид замер. Озеров. Тот самый, кто вчера, бледный и взволнованный, сунул ему в руку смятый листок со странным символом — пером, заключённым в круг — и прошипел: *«Леонид, это не просто клиника. За «Эйдосом» кто-то стоит. Они что-то ищут. И они... стирают следы»*.

Он пришёл через двадцать минут. Лаборатория была опечатана, но Вера уже была внутри.

Она стояла у стола, глядя на компьютер. На ней — не форма скорой, а строгий костюм консультанта Минздрава.

Она стояла у стола, пытаясь восстановить историю браузера на его компьютере. На экране мелькали фрагменты. Леонид увидел обрывок: «...ktivация. Рекомендация: ней..» — и тут же страница обновилась, показывая «Ошибка 404». Вера резко выдернула флешку из порта.

— Они уже почистили его историю, — сказала она, не оборачиваясь. — Но Озеров был параноиком. Он прислал мне вчера шифр. Я только что расшифровала. — Она обернулась, и в её глазах был не гнев, а холодная ярость. — Там было твоё имя, Ленья. И пометка «Эйдос». И символ — перо в круге. Похоже, они наблюдают за тобой.

Она, наконец, обернулась. В её глазах была не жалость, а гнев учёного, чьи коллеги умирают за правду.

— Ты был прав, Леня. Память — это не данные. Это поле боя.

— Тогда не дай им выиграть, — сказал он.

— Я и не собиралась, — ответила она. — Но теперь мы вдвоём.

Он кивнул. В кармане вибрировал телефон: 14:00. Диссертация.

Час спустя, стоя в лифте главного корпуса университета, он чувствовал себя голым. «Огнетушитель» работал, но каждый проходящий мимо человек оставлял на его психике липкий, быстро стирающийся след. Кто-то торопился на пару, кто-то ворчал на начальство, девушка у окна тайком смотрела сообщения от возлюбленного — весь этот мимолётный эмоциональный мусор долетал до него, как пыль.

Он вошёл в зал. Воздух здесь был другим — густым, спёртым, пах старыми книгами и страхом. Десятки пар глаз уставились на него. И Завалин, и Игнатьев уже сидели за длинным столом президиума. От Завалина исходил ровный, утробный гул самодовольства. От Игнатьева — что-то острое и колючее, словно ёжик из страха и осуждения.

Леонид вышел к трибуне, щёлкнул презентацией. На экране возникла схема — не мозг, а сложная волновая интерференционная картина.

— Уважаемые коллеги, — он начал, и голос прозвучал чу-

жим, — классическая нейробиология ищет память там, где искала бы музыку — в клавишах рояля. Мы вскрываем череп, считаем нейроны, ищем сломанные «струны». Но музыка — это не клавиши. Это волновой паттерн, рождаемый их колебаниями.

Он видел, как Завалин ёрзает, а Игнатьев хмурится. Он продолжал, пытаясь достучаться.

— Болезнь Альцгеймера, с этой точки зрения — не сломанный инструмент. Это затухание музыки. Нарушение процесса воспроизведения паттерна. И лечить её нужно не заменой «струн», а перенастройкой всей системы!

— Поэтично! Очень поэтично! — Завалин вскинул руку, не дожидаясь конца. Его голос звенел фальшивой доброжелательностью. — Но наука, молодой человек, делается из формул, а не из метафор! Где ваш материальный субстрат? Где, в конце концов, хоть одно воспроизводимое доказательство, что ваша «музыка» существует независимо от «рояля»? Вы предлагаете лечить призраков!

Леонид сглотнул. Гул Завалина давил на виски, сливаясь с гулом кондиционера. «Огнетушитель» трещал по швам.

— Доказательства... в эффекте, — попытался парировать он, чувствуя, как почва уходит из-под ног. — Если мы лечим не нейроны, а паттерн...

— Эффект? — перебил его Игнатьев, поднимаясь. Его тон был ледяным. — Вы говорите об эффекте? Давайте называть вещи своими именами! Если память — это волна,

которую можно «перенастроить», то что мешает не лечить, а стирать? Что мешает вшивать чужие воспоминания? Вы подписываете приговор самой концепции личной идентичности! Ваша теория — это не прорыв, это ящик Пандоры! Это мечта спецслужб и тоталитарных режимов! Вы предлагаете не лекарство, а абсолютное оружие против человеческой психики!

Удар пришёлся точно в цель. Леонид почувствовал, как что-то в нём надрывается. «Огнетушитель» сломался. В уши ворвался рёв. Не метафорический. Реальный рёв десятков чужих эмоций: злорадство, скука, страх, возмущение. Он увидел, как Завалин сдерживает улыбку. Увидел бледное, испуганное лицо Веры в дальнем ряду. Услышал собственное сердце, выскакивающее из груди.

И тогда он это сказал. Не думая. Просто выдохнул, глядя прямо в глаза Завалину, в этот ровный, самодовольный гул: — Вы требуете доказательств, профессор... А сами излучаете уверенность с амплитудой в три раза ниже порога искренности.

Слова вырвались сами, но его мозг уже фиксировал последствия. *«Протокол нарушения: прямое эмпатическое воздействие. Цель: Завалин. Результат: пробита ментальная защита. Побочный эффект: «Огнетушитель» отключен. Входной шум: 94%. Вероятность системного сбоя: 87%».* Он чувствовал, как волна чужого шока, злорадства и страха обрушивается на него, смывая последние барьеры. Он стоял,

как оголённый провод под ливнем, и его тошнило от этого гула.

Наступила тишина. Абсолютная. Даже гул кондиционера стих. Завалин побледнел так, будто призрак ударил его по лицу. Леонид понял: он только что публично, на глазах у всех, совершил то, что нельзя было совершать.

Голосование было быстрым и единогласным. «*Отклонить*».

Он стоял в пустом коридоре, прислонившись к прохладной стене, и не чувствовал ничего. Ни злости, ни стыда. Только странную, стерильную пустоту. Облегчение. Всё кончено. Маска сорвана.

— Поединок с ветряными мельницами истощает, — раздался спокойный, бархатный голос прямо за спиной.

Леонид резко обернулся. Перед ним стоял мужчина в безупречном костюме. Но это было не главное. Главное было — ничто. Как будто он наткнулся на абсолютную, глухую стену. От этого человека не исходило ровным счётом ничего — ни любопытства, ни презрения, ни даже простого человеческого интереса. Было ощущение, будто он смотрит не на живого человека, а на сложный прибор, выдавший сбой.

Ментальная тишина. Не пустота — глухой частотный экран.

Сканирование дало ошибку: «*СИГНАЛ НЕ ОБНАРУЖЕН*».

Это было страшнее любой ненависти.

*«Впервые за 10 лет встретил человека без эмоционального следа. Не пустота — отсутствие. Как будто его нет. Страшно».*

— Особенно, — продолжил незнакомец, — когда эти мельницы сделаны из костей и догм. Вы копаетесь не в тех могилах, молодой человек. Там, — он кивнул в сторону зала заседаний, — лежит лишь прах истёртых истин.

— А где нужно копать? — хрипло спросил Леонид.

— В тех областях, где наука ещё не стала догмой, а этика — ошейником. Меня зовут Кирилл Алексеевич Волохов. Я возглавляю Институт Когнитивной Стабильности. Ваша теория... не лишена изящества.

Волохов достал из кармана тонкий планшет, провёл по экрану и протянул Леониду.

— Мы живём в удивительное время. Границы того, что мы считаем личностью, начинают размываться. Взгляните.

На экране была новость из светской хроники. Под заголовком *«Чудо в «Клинике Эйдос»: банкир обрёл абсолютный слух»* был снимок улыбающегося мужчины. В тексте со слов его жены описывалось, как после курса «глубинной психокоррекции» в частной клинике её супруг не только избавился от фобий, но и внезапно обнаружил у себя феноменальный музыкальный слух.

Под основной статьёй, почти незаметно, мелькала сноска: *«Аналогичные “чудесные” случаи зарегистрированы в Сингапуре и Берлине. Медики отказываются комментировать».*

вать».

Леонид провёл пальцем по экрану, увеличивая текст. В Берлине — девочка, вышедшая из комы и вдруг заговорившая на трёх языках. В Сингапуре — учёный, утративший память, но получивший способность решать уравнения, «которых не было в его жизни».

*«Слишком много совпадений, — подумал он. — Слишком много новых “я”».*

— Забавный курьёз, не правда ли? — тихо сказал Волохов, забирая планшет. — Официальная наука назовёт это фейком. Но человек с вашим... опытом... наверняка способен оценить весь масштаб этого «совпадения».

Он сделал паузу, давая Леониду осознать намёк. Клиника «Эйдос». Глубокая психокоррекция. Новая память. Новые способности.

— Институт, который я возглавляю, изучает в том числе и подобные феномены. Если ваше любопытство перевесит горечь от сегодняшнего поражения — вы знаете, где меня найти.

Волохов кивнул и развернулся, чтобы уйти. Его фигура растворилась в полумраке коридора так же бесшумно, как и появилась.

Леонид остался один. В ушах стояла тишина, оставленная Волоховым. Перед глазами — слова: «Клиника Эйдос». Это не было предложением о работе. Это была задача. Загадка, брошенная ему прямо в лицо.

Он медленно выпрямился и потянулся за телефоном, чтобы сделать новую запись. Голос его был ровным, почти безразличным.

*«15:47. «Состояние после краха. Предложение Волохова. Наблюдается когнитивный диссонанс. Физиологические маркеры: сухость во рту (страх), учащённый пульс (возбуждение), повышенный тонус мышц (готовность к действию). Эмоциональный коктейль: 30% ярости, 20% отчаяния, 50%... любопытства.*

*Вывод: система не прекратила функционирование. Она ищет новые пути для реализации».*

*Протокол «Академическая карьера» завершён. Результат: провал.*

*Личная заметка: Мой инструмент сломался в открытом бою. Но он сработал. Он показал истину, которую другие отказались видеть.*

*Обнаружена аномалия: субъект Волохов К.А. — ментальная невидимость. Угроза или возможность?*

*Получен вектор: «Клиника Эйдос». Гипотеза: именно там можно найти ответы. И, возможно, новых врагов.*

*Решение: Рискнуть. Потому что альтернатива — стать таким же, как они. Слепым.*

Леонид вышел на улицу и увидел Веру. Он подошел и сел рядом. Молча. Она первой нарушила тишину — но не заговорила о провале. Она говорила об идеях.

— Альфа-ритм и яркость воспоминания, — её голос врезался в тишину, точный, как скальпель. — Это же... квантовый коллапс? Метафорически. Сознание как наблюдатель, вытягивающий один вариант памяти из всех возможных. Это ведь перекликается с гипотезой квантового сознания?

Леонид поднял на неё взгляд. Это был не вопрос дилетанта. Это было глубокое, почти интуитивное понимание сути. В её словах не было ни снисходительности, ни желания утешить. Была ясность ума, встретившего родственную мысль. Впервые за день что-то дрогнуло в его ледяном панцире. Он сделал глубокий вдох — и воздух в лёгких перестал быть ледяным. Впервые за долгое время он находился рядом с человеком, не чувствуя необходимости возводить ментальные стены. От неё исходила ровная, стабильная «тишина» — не гробовая, как в зале заседаний, а живая, как глубокая вода в защищённой бухте. Его «приёмник», обычно забитый статикой чужих переживаний, настраивался на эту чистую частоту. Напряжение в висках начало отступать. Это было непривычно. И бесценно.

— Да, — его голос прозвучал хрипло. — Именно как метафора. «Системе не нужны метафоры. Только графики и протоколы».

На следующий день Леонид взял визитку Волохова и посмотрел на адрес — это было недалеко. Он решил пройтись пешком.

Институт Когнитивной Стабильности располагался в от-

реставрированном особняке столетней давности. Строгая классика фасада скрывала стеклянно-стальное нутро — не кричащее о современности, а впитавшее её, как старый паркет впитывает лак: глубоко, незаметно, с благородством. Это был частно-государственный гибрид, возникший пять лет назад на волне щедрых, почти неиссякаемых грантов. Ходили слухи, что за ним стоит транснациональный фонд с туманными целями, но официально институт гордился прорывами: два года назад — целевая доставка нейромедиаторов, прошлой осенью — революционный интерфейс нейровизуализации в реальном времени. Здесь теории вроде леонидовых не хоронили под актами о нецелевом расходовании — их претворяли в жизнь.

Леонид шагнул внутрь. Но вместо стерильных коридоров власти его встретила тишина библиотеки и мягкий свет из высоких окон. Навстречу из-за администраторского стола поднялась женщина лет пятидесяти: седые волосы уложены аккуратно, глаза — умные, внимательные.

— Леонид Светлов, — сказала она, и губы тронула тёплая, почти материнская улыбка. Ни тени сомнения, ни сверки со списком. — Кирилл Алексеевич ждёт вас. Проходите.

Кабинет оказался просторным, но не пустым — каждая вещь здесь что-то значила. Воздух был густым: старые книги, дорогая кожа, горьковатый аромат свежемолотого кофе. В углу — миниатюрная кофемолка с ручным помолом. Ручка, отполированная до матового блеска, была из чистого золота

— не показ богатства, а дань ритуалу, контроль над деталями. Взгляд Леонида скользнул по полкам. Среди современных томов мелькали потрёпанные корешки. Он замер: первое издание «Организации поведения» Хебба — краеугольный камень нейрофизиологии. Это была не бутафория. Это — рабочая библиотека.

И что-то ещё — на отдельной полке под стеклом лежал странный, отполированный до зеркального блеска предмет, от которого у Леонида застучало в висках. Он почувствовал слабый, чуждый резонанс, как эхо от чужого прибора. Он отвел глаза.

— Леонид, — раздался спокойный голос. Чары рассеялись.

Кирилл Алексеевич Волохов поднялся из-за массивного стола. На нём не было костюма — лишь дорогой, но поношенный кардиган. Он выглядел не как чиновник, а как профессор старой закалки, у которого можно говорить о вещах поважнее грантов.

Он пожал руку — крепко, по-деловому, без давления.

— Садитесь, пожалуйста. Как вы себя чувствуете после вчерашнего? — Волохов указал на глубокое кожаное кресло. Вопрос прозвучал искренне. — Это всегда тяжело. Пройдёт. Поверьте мне.

— Ваша ошибка не в идеях, Леонид. Они блестящи. Ваш подход к декодированию эмоциональных паттернов как к симфонии, где каждый инструмент — нейронный ан-

самбль... Это не метафора. Это единственно верный путь. Вы пытаетесь услышать не ноты, а музыку мозга.

Леонид почувствовал, как внутри что-то сжалось. Этот человек не просто прочитал его статью. Он понял её. Говорил на его языке.

— Но ваша ошибка, — продолжил Волохов с лёгкой, отеческой грустью, — в наивности. Вы хотели накормить младенца стейком. Его организм подавится. Он способен переварить только пюре. А вы принесли им не просто стейк... вы принесли трюфеля и устриц. — Он позволил себе понимающую улыбку. — «Музыка мозга»... Прекрасная фраза. Но они ожидали марш. А вы устроили им симфонию Малера.

— Вам не нужно проходить через это в одиночку, Леонид, — сказал он тише, доверительнее. — Бороться с системой — благородно, но глупо. Гораздо продуктивнее... понять её механизмы и использовать их.

Он взял тонкий планшет, провёл пальцем и протянул Леониду.

— Вот. Только что пришла сводка по нашей теме.

На экране — фотография улыбающегося мужчины. Заголовки: «Чудо или кошмар? Пациент клиники «Эйдос» проснулся с чужими воспоминаниями и абсолютным слухом».

Леонид начал читать — и его проблемы мгновенно померкли. Бизнесмен пришёл избавиться от фобии. После процедуры фобия исчезла. Но вместе с ней — воспоминание о

матери. А на смену пришла яркая память о победе на фортепианном конкурсе... которого не было. И — виртуозные навыки игры, которых у него никогда не было. Врачи записали: «Спонтанная нейропластичность» — будто это объясняло хоть что-то. Родственники — в ужасе.

— Видите? — голос Волохова звучал с искренней горечью. Он смотрел не на планшет, а в глаза Леониду. — Мир уже лезет в сознание с кувалдой. Без понимания, без этики. Они не лечат — калечат, стирая одно и вклеивая другое, как нерадивые реставраторы. И это — лишь то, что вышло наружу. Сколько случаев скрыто?

Он отложил планшет с жестом презрения. Леонид запомнил название. «Эйдос». Там, где стирают одних и вклеивают других. Если они могут так обращаться с памятью... то что такое личность? Просто набор данных, который можно перезаписать? Холодная волна пробежала по спине. Это была не его проблема. Это было кошмарное открытие о природе человека. И ему, с его даром, было страшнее всех.

— Ваша работа, Леонид... ваша «музыка мозга» — она могла бы предотвратить это. Дать не кувалду, а скальпель. Точный, ювелирный. Чтобы не стирать личность, а исцелять её повреждённые фрагменты. Возвращать утраченные мелодии, а не заменять чужими. Позвольте системе работать на вас, а не вам — на систему.

Он отодвинул планшет, возвращаясь к роли старшего коллеги.

— Но чтобы вы думали не на пустом месте... — Он открыл ящик и достал тонкую пластиковую карту с логотипом института. — Гостевой пропуск. Доступ в главную лабораторию и часть архива. Там случаи... куда интереснее, чем история с пианистом. Посмотрите. Убедитесь: ваши идеи — не бред одиночки. Они — следующая ступень эволюции науки. И мы готовы помочь вам на неё подняться.

В «дневнике шума» появилась виртуальная запись:

*18:30. Состояние после контакта с субъектом Волохов К.А.*

*Когнитивный диссонанс: 85%. Физиологические маркеры: тремор пальцев (стресс), сухость во рту (тревога), суженные зрачки (концентрация на угрозе).*

*Анализ предложения: доступ к ресурсам vs. потенциальное втягивание в непрозрачную структуру. Вероятность манипуляции: высокая.*

*Эмоциональный фон: преобладает научное любопытство (60%) над личным страхом (40%).*

*Вывод: Отказ от предложения равносителен добровольному научному забвению. Принятие — тактический риск с неопределёнными долгосрочными последствиями.*

*Решение: Принять риск. Наблюдать. Собирать данные. Цель: установить природу феномена «Эйдос» и связь с сим-*

волом «перо/круг».

*Примечание: Субъект Вера Тихонова демонстрирует неожиданную оперативную эффективность и союзнические намерения. Взять в расчёт.*

### ГЛАВА 3. КОНСУЛЬТАЦИЯ

Леонид не ждал приглашения. Он пришёл сам, с визиткой Волохова в кармане и вопросом в голове: «Где вы прячете тех, кого стираете?» Он записался как «частное лицо, интересующееся нейротерапией» — ложь, но необходимая.

Внутри всё сжималось. Он не искал спасения. Он искал досье Озерова. И, возможно, своё собственное.

Перед ним, за узким столом из чёрного дерева, сидел менеджер Сергей. Безупречный костюм, ухоженные руки, спокойная, почти дружелюбная улыбка, не доходящая до глаз.

— Итак, Леонид, — Сергей скользнул пальцем по поверхности стола, и голографическая анкета поплыла в воздухе между ними. — Судя по вашим ответам, вы страдаете от классической сенсорной перегрузки. Превратить метро в личный ад — это, согласитесь, не лучшая суперспособность.

Его тон был лёгким, шутливым, но Леонид почувствовал укол. Это не было эмпатией. Скорее, считывание. Как будто Сергей изучал диагностический чек-лист.

— Мы помогаем с подобным, — продолжал менеджер. — Наши базовые пакеты — «Эмоциональный фильтр», «Фоно-

вое спокойствие» — создают устойчивый буфер. Вы перестанете быть губкой для чужих переживаний.

Леонид кивнул, стараясь выглядеть просто заинтересованным клиентом. Внутри всё сжималось. Они предлагали ему добровольно надеть тот самый «Огнетушитель», который он с таким трудом выстраивал годами.

— А есть что-то... глубже? — спросил он, подбирая слова. — Не просто заглушить симптомы. А разобраться в причине. Иногда мне кажется, что...

Он замолчал, не решаясь выдать свою главную тайну.

Сергей наклонился вперёд. Его взгляд стал пристальным, словно он наводил резкость.

— Что ваши воспоминания... не совсем ваши?

Леонид замер. Они знают. Не догадываются — знают. Озеров умер не зря. Он оставил след. И они его нашли.

— Мы называем это «эффектом наложения», — пояснил Сергей. — Старые, травматичные паттерны перекрываются новыми, устойчивыми. Как в старинных манускриптах, где поверх одного текста писали другой. Вы слышали о таких?

Леонид кивнул.

— Технически, — продолжал Сергей, — мы просто реставрируем вашу психическую архитектуру. Аккуратно наносим новые, стабильные воспоминания поверх деструктивных. Как реставратор восстанавливает картину. Вы остаётесь автором своей жизни, просто... проводите редактуру. Хотите демо-версию?

Леонид не нашёлся, что ответить. Он сидел, ощущая, как почва уходит из-под ног. Его личную боль, его экзистенциальный ужас только что упаковали в маркетинговый слоган и выставили на продажу.

Сергей провёл его в соседнее помещение — небольшую, лишённую окон комнату, где доминировало кресло, похожее на кресло пилота истребителя, и матовый экран во всю стену.

— Не пугайтесь обстановки. Это для точности, — сказал Сергей, поднося к вискам Леонида лёгкий обруч с датчиками. Тот почувствовал слабое, почти неосоздаваемое жужжание. — Мы просто измеряем вашу базовую реакцию. Безболезненно.

Леонид молча кивнул, мысленно укрепляя барьер. Он чувствовал, как невидимые щупальца системы скользят по краям его сознания, ища лазейку.

На экране зажглись абстрактные узоры — плавные, гипнотические линии, перетекающие друг в друга.

— Первый образец. «Лёгкая уверенность», — пояснил Сергей, наблюдая за показаниями на своём планшете. — Наше самое популярное сырьё. Без побочных эффектов. Сейчас вы ощутите эталонную “сферу” — чистую уверенность. Обратите внимание на цвет — стабильное золото.

Леонид закрыл глаза, ожидая привычного шквала чужих ощущений. Но вместо этого его накрыла... волна. Ровная, тёплая, приятная. словно ему мягко внушили, что всё будет хорошо. Не было ни дрожи восторга, ни сомнений, ни

контекста. Чистая, стерильная уверенность. Эталонная копия чувства.

Его научный ум, вопреки страху, тут же включился в анализ.

*«Амплитуда стабильна. Частота в альфа-диапазоне. Паттерн — искусственно сглажен, отсутствуют микроколебания, характерные для живого переживания. Это не эмоция. Это её идеальный, мёртвый слепок».*

Он сидел, парализованный этим открытием. Они торговали не душами, а безупречными репликами.

— Любопытно, — голос Сергея прозвучал прямо над ухом, заставив его вздрогнуть. Леонид открыл глаза. Менеджер смотрел на планшет с нахмуренным лбом. — Ваши физиологические показатели в норме. Сердечный ритм стабилизировался, кожно-гальваническая реакция указывает на релаксацию. Но...

Он поднял взгляд на Леонида, и в его глазах исчезло дружелюбие, сменившись холодным интересом.

— Эмпатический отклик стремится к нулю. Как будто вы... сопротивляетесь товару. Наблюдаете за ним со стороны. У нас такое бывает с двумя типами людей: с теми, у кого врождённая алекситимия... или с теми, кто прошёл специальную подготовку. Вы не похожи на первого.

Леонид почувствовал, как леденеет кровь. Его раскусили. Не как самозванца, а как нелояльного потребителя. Он про-

глотил комок в горле, пытаюсь найти оправдание.

— Я... я просто очень сосредоточился, — выдавил он. — Старался понять, что чувствую.

Сергей медленно покачал головой, его палец повёл по экрану планшета, стирая демо-запись.

— Нет, Леонид. Вы не чувствовали. Вы анализировали. Это совсем другое. Для такой... сложной натуры, как у вас, стандартные пакеты не подойдут. Потребуется расширенная диагностика.

Он не улыбался. Он выносил вердикт. Первый контакт закончился провалом. Игрок был раскрыт в первом же раунде.

Сергей, не скрывая раздражения, провёл Леонида обратно в приёмную. Воздух здесь больше не казался дорогим — он был густым и ядовитым.

— Подождите здесь. Для вашего случая требуется консультация старшего менеджера, — бросил Сергей и отошёл в сторону, что-то быстро и зло шепча в комм-линк.

Леонид остался стоять посередине стерильного пространства, чувствуя себя образцом на витрине. Он пытался осмыслить провал. *«Они видят не мою ложь, а мой метод. Мой дар — это аномалия для их системы. Я для них — брак на производстве».*

Его мысли прервало движение в дальнем конце коридора. Из-за матовой стеклянной двери вышли двое. Мужчина в таком же безупречном костюме, как Сергей, вёл под руку женщину. Она шла покорно, её взгляд был устремлён в пу-

стоту. Абсолютную. В её глазах не было ни страха, ни печали, ни осознания происходящего. Идеальная, бездонная тишина. Как будто некто взял сознание и аккуратно, по всем правилам, извлек из него всё живое, оставив лишь безупречную, стерильную оболочку. «*Стеклянный шар*», — пронеслось в голове. И в этом образе было что-то до жути знакомое. Как будто он смотрел в возможное будущее самого себя, если его дар и его защита однажды не выдержат и сломаются в обратную сторону.

Леонид замер. Его собственный «Огнетушитель» был сло-ман, щупальца дара потянулись к женщине инстинктивно, жажда хоть какой-то эмоции, хоть искры. И он наткнулся на ничто. Идеальную, бездонную тишину. «*Стеклянный шар*», — пронеслось в голове.

Мужчина, ведущий её, в это время говорил в комм-линк деловым, ровным тоном:

— Подтверждаю, нулевой-икс-Гамма-семьдесят три ста-билен, параметры в зелёной зоне. Переводим в долгосроч-ный cold storage. По счету — clean. Следующий на линии — 7-Эта-12, профилирование моторных кластеров начато, прогноз выхода — оптимистичный...».

Леонид замер. Cold storage. Долговременное хранение. Для чего? Для человека? Выход. Output. Что они «выводят»? Навыки? Clean счет. Погашенный долг. Его разум, отточен-ный годами анализа, мгновенно сложил эти обрывки в чудо-вищную, невозможную мозаику. Они говорят о людях, как о

продукции на конвейере.

Он не дышал. Слова жгли изнутри ядовитой логикой. Образец. Лот. Выход. Это был не жаргон психологов. Это был язык логистики, бухгалтерии и переработки.

На экране в холле, пока он ждал, мелькнула новость:

*«Минздрав: новые случаи «психической деперсонализации» после нейротерапии в частных клиниках. Расследование приостановлено».*

Под ней — логотип Santex.

Леонид запомнил. Santex. Вышки. Нейромониторинг.

В этот момент к нему подошёл Сергей.

— Старший менеджер свободен. Пройдёмте.

Леонид посмотрел на него и увидел не человека, а интерфейс. Как деталь машины. Он кивнул, не в силах вымолвить ни слова, и пошёл, чувствуя, как он все глубже погружается в зловещие загадки его новой жизни.

*18:15. Состояние после посещения объекта «Эйдос».*

*Сенсорная память: стерильный запах, голограмма «увренности» (искусственный паттерн, амплитуда ровная, частота альфа).*

*Визуальное подтверждение: субъект женского пола, состояние «стеклянного шара» (полное эмоциональное обнуление, этиология неизвестна).*

*Триггер: разговор персонала. Ключевые термины: «cold storage», «выход» (output), «профилирование кластеров», «чистый счет».*

*Предварительная гипотеза: объект «Эйдос» осуществляет манипуляции с человеческой памятью и эмоциями в промышленных масштабах. Процедуры, маркируемые как терапия, имеют признаки индустриального процесса.*

*Вопросы:*

- 1.Технология извлечения «сырья» (эмоций/навыков)?*
- 2.Юридический механизм превращения личности в «актив»?*
- 3.Конечный потребитель «очищенных паттернов»?*

*Эмоциональный отклик: отвращение (70%), профессиональное любопытство (20%), личный страх (10% — «а если мой «Огнетушитель» даст окончательный сбой?»).*

*Вывод: объект представляет системную угрозу. Требуется глубокое погружение для сбора доказательств.*

*Цель: найти в системе «Эйдоса» досье на Тихонову А.К. (мать Веры). Установить механизм «стирания».*

*Личная заметка: Они не лечат. Они перерабатывают. Я должен это остановить. Даже если для этого придётся залезть в самое нутро этой машины.*

## ГЛАВА 4. АБСОЛЮТНЫЙ ВКУС

На следующий день Леонид снова стоял у дверей «Эйдо-са». Над входом, почти незаметно, висел миниатюрный сенсор — такой же, как на вышках Santex, что тянулись по всему городу. Леонид мельком взглянул на него. «*NeuroSync*, — прочитал он логотип. — *Сканируют прохожих на «повышенную чувствительность»*. Он знал: эти дроны не просто следят за настроением. Они ищут аномалии. Искажения в поле. Его собственный дар вздрагивал при их приближении, как компас рядом с мощным магнитом — не болью, а глухим предупреждением. Они сканировали не лица, а... частоты. И его частота, похоже, была в их списках.

На этот раз Леонид заходил не как робкий проситель, а как испытуемый, приглашённый на «расширенную диагностику». Его провели тем же путём, но свернули в другой коридор — более узкий, лишённый всякого декора, где стены излучали немое техногенное безразличие.

Дверь бесшумно отъехала, впуская его в цилиндрическую камеру, в центре которой находилось кресло, напоминавшее одновременно стоматологическое и кабину пилота. Здесь его ждал не Сергей, а новый человек — мужчина лет сорока в строгом сером костюме, с лицом, на котором читалась лишь

профессиональная собранность.

— Леонид Светлов, — произнёс он без вопроса. Его голос был ровным, лишённым эмоций, как голос диктора. — Меня зовут Виктор. Я буду курировать ваше тестирование. Данные первичного осмотра... впечатляют. Приступим.

Леонид молча занял место в кресле. Техник, не глядя ему в глаза, зафиксировал его голову мягкими зажимами и поднес к вискам холодные лепестки интерфейса.

Когда его закатали в тоннель сканера, мир сузился до белого кокона в сантиметре от лица. Гул аппарата заполнил всё, вибрируя в костях.

— Не двигайтесь. Смотрите на изображения, — донёсся голос Виктора из динамика.

Первый образ: яркое жёлтое солнце над полем подсолнухов. Триггер для радости. Его мозг откликнулся ожидаемым паттерном. Но для техника это было как чтение нот без музыки. Он видел графики: всплеск в вентральной крышке, активация префронтальной коры. «Идеально», — подумал бы любой специалист.

Но для Леонида — пустота. Он не чувствовал радости. Он регистрировал её нейронный призрак. Пока сканер жужжал, он мысленно поправлял их данные: *«Нет, не там. Источник — на 7 герц ниже, в таламо-кортикальном резонансе. Вы фиксируете дым, а я вижу огонь».*

Он понимал: «Эйдос» использовал гибридную систему исследований, где фМРТ — лишь внешняя оболочка для

клиентов, а реальная работа проходила через прямой нейроинтерфейс. Но их «передовая» диагностика — как попытка понять симфонию, изучая колебания дерева в деке скрипки. Они слепы к самой музыке. И эта слепота делала его в их глазах идеальным калибровочным инструментом — слепым, но с абсолютным слухом.

Второй образ: искажённая маска безмолвного крика. Страх. Миндалевидное тело зажглось, как гирлянда. Но внутри — ни искры ужаса. Лишь холодное наблюдение.

Третий: сжатый кулак, разбивающий стекло. Гнев. Паттерн повторился с клинической точностью.

И тут его осенило: *«Они смотрят на тень и думают, что видят предмет»*. Они фиксировали вторичный отклик мозга. А он, с его «даром», ощущал ткань эмоции, её квантовую, до-нейронную рябь — ту самую «первичную волну», существующую между физикой и сознанием. Они работали с эхом. Он — со звуком.

Камера остановилась, и его выкатили из тоннеля. Виктор изучал данные на планшете, его лицо оставалось непроницаемым.

— Идеальная нейропластичность. Редкая чистота сигнала, — констатировал он. — Но бумажные тесты — это одно. Наша работа требует более тонкого инструментария. Хотим предложить протестировать образец товара. Чтобы вы понимали, с чем имеете дело. И чтобы мы понимали, с кем — мы.

Комната за зеркальной стеной оказалась меньше, чем

ожидал Леонид.

Здесь не было кресла-пилота. Только диван из тёплой ткани и низкий столик, на котором стояли два бокала с водой и тонкий планшет в кожаном переплёте. На экране — меню. Никаких цен. Только категории:

«**Интонация души**»

Первая любовь | Материнская нежность | Прозрение в одиночестве

«**Острые грани**»

Триумф после поражения | Гнев праведника | Страх перед величием

«**Экзотика**»

Эйфория гения в момент открытия | Последнее прощание  
| Верность до смерти

— Это не каталог, — сказал Виктор, следуя за взглядом Леонида. — Это библиотека человеческого опыта. Каждый паттерн — результат тонкой работы с донором. Мы не крадём. Мы выделяем чистую эссенцию. Убираем боль, сомнения, контекст. Оставляем только... вкус.

Он провёл пальцем по экрану. Открылась подкатегория: «Торжество».

— Вот, например. Клиент завтра выступает перед инвесторами. Он умён, но застенчив. Ему не хватает харизмы победителя. Мы даём ему восемь минут уверенности в себе,

извлечённой из памяти олимпийского чемпиона. Он не станет спортсменом. Но поверит, что достоин быть услышанным. И этого достаточно.

Леонид смотрел на список. В графе «донор» — только код: «7-Эта-12». Ни имени, ни возраста. Только статус: «Актив списан».

— А если донор не хотел?

Виктор усмехнулся — впервые за всё время.

— Кто продаёт последнее воспоминание о ребёнке, если не тот, кто уже всё потерял? Мы не принуждаем. Мы предлагаем выход. А мир... мир давно перестал платить за правду. Он платит за убедительность.

Он коснулся другого пункта: «*Материнская нежность (чистая, без тревоги)*».

— Это редкость. Большинство матерей боятся. Мы убрали страх. Оставили только свет. Спрос — выше предложения. Особенно среди... актрис.

Леонид почувствовал, как в груди сжимается ком. Не гнев. Не жалость. Тошнота от совершенства. Это было хуже, чем грубое стирание. Это — эстетизация насилия над сознанием.

— Покажите мне «сырьё», — сказал он тихо. — Не готовый продукт. То, что вы выкачиваете из донора.

Виктор на секунду замер. Потом кивнул.

— Вы — особый случай. Возможно, вы поймёте. Это сырьё категории “Базовое”, но с аномальной чистотой. Почти

“Экзотика”.

Он запустил файл. *«Базовая радость. Донор: Ж-ОХ-Гамма-73».*

И мир рухнул.

Не было образов. Был лишь всплеск — тёплый, золотистый, почти солнечный.

Горная река. Смех. Рука в руке. Но под этим — чёрная ткань отчаяния: долг, позор, осознание, что это — последняя.

Леонид не просто чувствовал радость. Он чувствовал, как её вырывают.

Его тело содрогнулось. Ладони вспотели.

*«Субъект: я.*

*Стимул: синтетическая радость.*

*Реакция: эмпатическое слияние с донором.*

*Вывод: это не товар. Это крик, запечатанный в янтаре».*

Когда сигнал оборвался, он едва мог дышать.

Виктор смотрел на него с холодным восхищением.

— Большинство чувствуют лишь верхний слой. Вы... вы проходите насквозь. Вы не дегустатор. Вы — археолог душ. Именно поэтому мы вас пригласили.

Он сделал паузу.

— Мы предлагаем вам должность оценщика эмоционального сырья. Доступ ко всем архивам. Возможность найти источник любого паттерна. Даже... своего собственного.

Леонид поднял на него взгляд. Он видел перед собой не

человека.

Он видел механизм, отполированный до блеска, внутри которого давно нет ничего живого.

Он ненавидел это место. Ненавидел их. Но Виктор был прав.

Это был единственный путь внутрь.

— Я согласен, — сказал он.

Он не ждал согласия.

— Продолжим, — сказал Виктор.

Лёгким движением дал знак технику. Та подошла к консоли — и Леонид почувствовал щелчок в висках: активацию направленного интерфейса.

— Это базовый образец. Категория «фобия». Стандартная интенсивность, — пояснил Виктор.

И мир рухнул.

Не было образов. Был лишь внезапный, всепоглощающий страх. Чужой, дикий, животный ужас, впивающийся в мозг стальными когтями. Сердце вырвалось из груди. Воздух перехватило. Ладони — мокрые и ледяные. Пальцы впились в подлокотники, ища опору в мире, ушедшем из-под ног.

«Высота. Падение. Сейчас я умру».

Это была не мысль. Это ощущалось как реальность, вшитая в каждый нейрон. Он содрогнулся, срываясь с кресла с глухим стоном.

В тот миг его сознание раскололось. Одна часть металась

в ужасе. Другая — учёный-наблюдатель — включилась автоматически:

*Субъект: я.*

*Стимул: синтетическая фобия, 9/10.*

*Физиология: тахикардия, тремор, гипервентиляция.*

*Когнитивный отклик: полное подавление воли.*

*Вывод: технология не имитирует эмоцию — она перезаписывает базовые контуры самости. Эффект — как вирусная атака на ОС.*

Даже корчась от страха, он собирал данные. Его «Я» — объект исследования. Его агония — экспериментальные данные. Датчики жалобно запищали.

Его разум, вопреки страху, выстраивал модель:

*«Если эмоция — это паттерн, то его можно реконструировать. А если можно реконструировать — можно и создать. Создать систему, которая не просто считывает, а понимает. Не ИИ-аналитик. ИИ-эмпат».* Мысль мелькнула и исчезла. Но где-то глубоко она осталась — как семя.

Он прислонился к стене, пытаясь отдышаться. Перед глазами — пятна. Чужой ужас отступал, оставляя дрожь, тошноту и стыд за незащищённость.

Тошнота подступала к горлу. Он вспомнил, как Вера однажды сказала вполголоса: «Моя мать — как стеклянный шар. Всё внутри на месте, но ни один луч не проходит насквозь». Он тогда не понял. Теперь — понял. «Образец ОХ-Гамма-73» — это и есть «стеклянный шар». И в этот момент что-то дрогнуло в самой основе его мира. Не мысль, а ледяная волна, пробежавшая по позвоночнику. Его собственные самые ранние, самые яркие воспоминания — смех матери, солнечный луч в детской — они были такими же... какими? Идеальными? Отполированными? Слишком чистыми, чтобы быть правдой? Он резко отогнал это ощущение, как отгоняют паническую атаку. Не сейчас. Не здесь.

В кабинете повисла тишина, нарушаемая лишь его дыханием. Он поднял взгляд на Виктора.

И увидел не шок. Не извинения. Восхищение. Холодное, научное, алчное. На лацкане костюма — маленький значок: перо в круге. Леонид не придал значения. Просто заметил. Как царапину на стекле.

— Невероятно, — прошептал менеджер, его глаза горели. — Большинство просто морщатся. Вы... вы проживаете его. Целиком. Ваша система зеркальных нейронов не отражает. Она воплощает.

Он сделал шаг ближе, голос стал доверительным, почти интимным:

— Я понимаю, это может шокировать. Но то, что вы испытали — это и есть сырая суть нашей работы. Мы не тор-

гуем теориями. Мы торгуем опытом. И чтобы оценить его, нужен дегустатор с абсолютным вкусом.

Виктор выдержал паузу, давая Леониду осознать сказанное.

— С такими данными вы можете быть не клиентом. Вы — наш лучший оценщик. Единственный, кто способен не проанализировать товар, а проверить его на себе. Ваш «дар»... это не проклятие. Это высшая квалификация. Мы предлагаем вам должность «дегустатора эмоционального сырья». Зарплата... позволит вам забыть о финансовых проблемах. И главное — вы получите доступ. Ко всем архивам, ко всем исследованиям. Вы сможете найти ответы на свои вопросы.

Леонид стоял, опираясь о стену, и смотрел на него. Его всё ещё трясло. Тошнота подкатывала к горлу. Он видел перед собой «образец 0X-Гамма-73» с мёртвыми глазами. Он чувствовал на себе взгляд Виктора — взгляд на уникальный, редкий инструмент.

Он ненавидел их. Ненавидел этот холод, этот цинизм. Но Виктор был прав. Это был единственный путь внутрь. Единственный шанс докопаться до правды. До ответов на вопросы, которые теперь жгли его изнутри: что они выкачивают из людей? И... могло ли это коснуться его самого?

Он сделал глубокий вдох, выпрямился, оттолкнувшись от стены. Голос его был тихим, но чётким.

— Я согласен.

В глазах Виктора вспыхнуло удовлетворение.

— Рад это слышать. Завтра в девять. Вам выдадут пропуск и планшет с первым заданием. Добро пожаловать в «Эйдос», Леонид.

Леонид вышел из камеры, не оглядываясь. Он шёл по стерильному коридору, и каждый шаг отдавался в его ушах тяжёлым, металлическим стуком. Он только что продал себя в рабство системе, которая перемалывала души. Но в груди, поверх тошноты и страха, тлел крошечный огонёк — огонёк охотника, который наконец-то получил пропуск в логово зверя.

*21:15. Протокол «Внедрение» активирован.*

*Физическое состояние: остаточный тремор, тошнота, вкус адреналина на языке.*

*Психическое состояние: когнитивный диссонанс 95%.*

*Осознание: только что добровольно вступил в симбиоз с системой-хищником.*

*Мотивация: Ярость (40%). Страх (30%). Жажда ответов (30%).*

*Новая рабочая гипотеза: «Эйдос» не лечит и не продаёт. Он добывает. Шахта по добыче человеческого опыта. Я стал одним из их геологов.*

*Личная задача: Использовать доступ. Найти в архивах всё, что связано с кодом «ОХ-Гамма-73» (стеклянный шар). Найти досье Тихоновой А.К.*

*Главный вопрос, который теперь не даёт покоя: а что добыли из меня?*

*Риск: Стать следующим «списанным активом». Вероятность: Растёт с каждой секундой пребывания внутри.*

*Завтра начинается первая смена в шахте.*

## **ГЛАВА 5. МЕНЮ ГРЕШНИКОВ**

Планшет гудел, встраиваясь в сеть «Эйдоса». Первый же файл во внутренней базе носил циничное название: «Меню Грешников.pdf».

Леонид пролистал его. Сухие строчки обжигали, как током.

*Услуга: «Таргетная реконсолидация памяти».*

*Суть: Полное удаление воспоминания.*

*Побочка: Провал в биографии, фантомная тревога.*

*Цена: 50 сфер (50 000 \$)*

*«08:15. Знакомство с продуктовой линейкой. Вывод: «Эйдос» не лечит. Он проводит ювелирную ампутацию души. С гарантией и списком побочных эффектов».*

Дверь открылась без стука. Вошёл Виктор, его куратор.

— Осваиваете ассортимент? — Виктор кивнул на планшет. — Наше «меню». Клиенты — слабаки, неспособные пережить собственное прошлое. Мы даём им забыть. За деньги.

Леонид сглотнул ком в горле. *«Куратор Виктор. Диагноз: профессиональная деформация в терминальной стадии. Эмпатия — ноль. Уверенность — 90%. Ложь».*

— Вам первое задание, — Виктор протянул карту памяти. — Партия «сырья». Категория «Базовая радость». Проверьте паттерн на стабильность.

Как только Виктор вышел, Леонид вставил карту в слот. Данные пошли густым, тяжёлым потоком. Он закрыл глаза, отключив «Огнетушитель» на минимальный уровень. Рисковал, но иначе оценка была бесполезной.

И его накрыло.

Не просто радость. Это был яркий, слепящий всплеск. Солнечный свет, играющий на струях горной реки. Холодный ветер, обжигающий щёки. Но под этим — липкий, чёрный осадок. Горечь. Отчаяние.

«Субъект: женщина, 30-35 лет. Контекст: воспоминание о походе в горы. Спутник — мужчина. Эмоциональный фон донора: глубокая депрессия, финансовое отчаяние. Мотивация продажи: долги. Вывод: «Эйдос» выкупил последнее счастливое воспоминание у человека на грани».

Его научная часть мозга тут же проанализировала данные: *«Паттерн стабилен. Амплитуда в норме. Для систе-*

*мы «Эйдос» — образец высшего качества».*

Но он-то видел больше. Вспышка радости была лишь верхним слоем. Под ней сквозил сломанный внутренний стержень, следы слёз, безвыходность. И ещё... деталь. Чёткий визуал: на руке мужчины была татуировка — стилизованная змея, кусающая свой хвост.

Уроборос. Змея, пожирающая свой хвост.

Где-то он видел этот символ. Не в музее. Не в книге.

В кабинете... да. У Волохова, на перстне. Или на переплёте книги?

Память отказывала. Но совпадение было слишком точным, чтобы быть случайным.

Он отключился, едва не задохнувшись. В ушах стоял звон. Перед глазами — образ несчастной женщины и этот символ.

*«09:30. Первая «дегустация».*

*1. Получено эмпирическое подтверждение: процесс «заготовки сырья» подразумевает лишение контекста живого переживания. Донорский паттерн сохраняет эмоциональное ядро, но лишён субъективной истории, что приводит к этическому диссонансу. Гипотеза о «краже счастья» требует дополнительной проверки.*

*2. Обнаружен маркер: татуировка (Уроборос). Возможный ключ к идентификации донора или связанного лица.*

*3. Личная заметка: только что стал соучастником, подписав «добро» на кражу чужого счастья. Цена вхождения в систему — грязь на руках. Требуется отмыть».*

Леонид сидел в своей квартире, перед ним горели два экрана. На одном — сырые данные ЭЭГ с его сеансов медитации, где он пытался вызвать «то самое» детское воспоминание о зоопарке. На другом — декодированные паттерны из «Эйдоса», которые Виктор прислал ему для «тренировки распознавания артефактов».

Он загрузил в аналитическую программу свой собственный паттерн. Программа выдала предупреждение: *«Обнаружена аномалия: неестественно низкий уровень нейронного шума в гиппокампальной формации. Характерно для синтезированных энграмм».*

Леонид похолодел. Он стёр результаты, сердце заколотилось. «Сбой. Ошибка калибровки», — попытался убедить он себя.

Чтобы проверить, он взял «сырьё» из «Эйдоса» — паттерн «Первая любовь» (донор — мужчина, 45 лет). Запустил тот же анализ.

Программа снова выдала предупреждение. То же самое. Тот же специфический «след» — алгоритм сглаживания переходов, словно память прошла через один и тот же цифровой фильтр.

Он наложил оба графика друг на друга. Кривые почти совпали.

«22:17. Сравнительный анализ паттернов: личный (воспоминание «Зоопарк», возраст ~7 лет) и образец «Первая любовь» из базы «Эйдоса». Результат: совпадение по маркеру

«нейронный шов» — 97,3%. Маркер представляет собой алгоритмический артефакт — белок-интегратор, неестественно стабилизирующий синаптические связи в момент формирования энграммы.

*Вывод: мои детские воспоминания не являются органическими. Они были внедрены с использованием технологии, идентичной или родственной технологии «Эйдоса».*

Внутри повисла тишина.

Сначала — никаких эмоций. *Совпадение 97,3%... Статистическая погрешность...*

Потом его накрыла волна. Не ужаса, а полного, абсолютного отрицания. *Этого не может быть! Ошибка в алгоритме? Путаница образцов? Я не проверял контрольную группу! Я сам спроецировал свой страх на данные!*

Но следующий момент его рациональный ум, холодный и безжалостный, отверг все опровержения. Данные были чисты. Методология — корректна. Гипотеза была подтверждена.

И тогда мир не просто дал трещину. Он рассыпался, как карточный домик, оставив его стоять посреди пустоты, где не на что опереться.

Он встал, подошёл к окну.

*22:21. Личная заметка: Кризис идентичности.*

*Данные указывают: мои автобиографические воспоминания являются артефактом, синтезированным по техноло-*

гии «Эйдоса» или её аналога.

*Возможные варианты:*

*А) Я — продукт системы. Создан, внедрён, под наблюдением.*

*Б) Я — жертва системы. Мои настоящие воспоминания были стёрты и заменены в детстве.*

*В) Это ошибка/паранойя. Моё восприятие проецирует страх на нейтральные данные.*

*Оценка вероятности (субъективная): А — 40%. Б — 40%. В — 20%.*

*Требуется: Независимый эксперт (Вера). Но раскрытие рискует поставить под угрозу её, если версии А или Б верны.*

*Вопрос не в том, сумасшедший я или нет, а в том, какая из этих кошмарных реальностей является истинной.*

*Решение: проверить гипотезы А/Б. Найти женщину-донора (Уроборос). Это единственный внешний якорь в этом карточном домике.*

*Он закрыл глаза. В груди — пустота. Ни страха, ни надеж-*

ды. Только ожидание.

Он повернулся и взглянул на другой экран. Там всё ещё была видна татуировка — Уроборос. Змея, пожирающая свой хвост. Символ бесконечного цикла. Теперь это был не просто ключ к чужой трагедии. Это мог быть ключ и к его собственной.

*«Решение: начать охоту. Цель — найти женищину-донора. Она знает правду о «сырье». А через неё — я найду правду о себе».*

Он выключил экраны. В окне, на крыше напротив, мелькнуло движение.

Человек в тёмном. Смотрел прямо на его окно.

Леонид замер.

Слишком поздно для соседей. Слишком рано для курьера.

Или они уже знают, что я копаю?

Он потушил свет и отошёл вглубь комнаты. Сердце билось ровно — «Огнетушитель» работал на полную мощность. *«Наблюдение подтверждено, —* прошипел его внутренний голос. *— Они реагируют на мои поиски. Или это паранойя — первый симптом распада личности, предсказанный в учебниках?»* Не было способа это проверить. Оставалось только одно: вести себя так, как будто за тобой всегда следят. Потому что, возможно, так оно и есть.

Завтра в «Эйдосе» ему предстояло оценивать партию «Таргетной реконсолидации». Идеальный повод копнуть

глубже. И найти слабое место в системе, которая, возможно, создала его самого.

Утром он получил сообщение от Веры:

*«Ты смотрел вчерашние данные по амплитуде тета-ритма? Ты выходил за пределы диапазона. Это не медитация, Леонид. Это был панический спазм под маской контроля».*

Он не ответил. Просто сохранил скрин.

*Она видит даже то, что я прячу от себя самого.*

## ГЛАВА 6. СВОЙ СЛЕД В БАЗЕ

Пространство, в котором оказался Леонид, не было комнатой. Это была идея комнаты, вывернутая наизнанку и поданная как услуга премиум-класса.

Его новый пропуск «Дегустатор-стажёр» разблокировал не программу, а целую оперу для одного зрителя. Система называла это «Интерфейс Виртуоз». Леонид мысленно перевёл: *«Инструмент для того, кто уверен, что играет на душах, а не на струнах».*

Перед ним парили сферы.

Они заполняли всё — от пола до невидимого потолка, мерцая, как мыльные пузыри на грани лопнувшего детства. Одни — густого, тёплого золота, другие — тревожного индиго, третьи — болезненно-алого. Цвета не были случайными. Это был язык, который его мозг, измученный датчиками, прочитал мгновенно: эмоция, запечатанная в совершенную

геометрию. Радость, тоска, ярость. Не чувства — их идеальные, стерильные муляжи.

*«Сфера. Как удобно, — подумал Леонид, стараясь дышать ровно. — Душа — шар. Её можно катить, подбрасывать, разбить. И всё внутри останется на месте. Как в том детском калейдоскопе — трясёшь, а узор всегда складывается один и тот же. Только здесь узор — чья-то украденная жизнь».*

В воздухе, словно титры к немому фильму,плыли строки данных. Он сфокусировался на одной:

*«Категория: Базовое сырьё. Паттерн: “Беспричинная тревога (вечерняя)”. Донор: Ж-38. Чистота: 88%. Статус: в обработке».*

Чистота. Они измеряли страдание в процентах. Убирали «шум» — контекст, причину, лицо. Оставляли сухой остаток паники, который можно было впарить кому угодно. Клиническая поэзия на грани кошунства.

Он мысленно произнёс: *Каталог. Острые грани. Уверенность.*

Сферы перед ним сместились, пропустив вперёд несколько штук ослепительного, почти белого свечения. Эти выглядели дороже. Твёрже.

*«Паттерн: “Решимость лидера после провала”. Донор: М-52 (архив). Спрос: высокий (сегмент менеджеров среднего звена)».*

Леонид почувствовал знакомый привкус тошноты. Они не

просто торговали. Они курировали человеческие слабости, как модные тенденции. Создавали спрос на то, чего у людей не было, и предлагали взамен подделку, лишённую самой сути — борьбы, сомнений, прожитого опыта.

В углу его зрения пульсировал дайджест. Внутренняя рассылка «Эйдоса». Он прочитал:

*«Аналитика NeuroSync: В сегменте 25-35 лет зафиксирован рост запроса на “аутентичную усталость” (подкатегория “Творческое выгорание”). Предлагаем выделить соответствующие энграммы из архива “неудавшихся художников”. Маркетинг: позиционировать как “опыт глубины”».*

Сухой, интеллектуальный юмор, от которого стыла кровь, возник в его сознании как образ. Он представил менеджера вроде Сергея, обсуждающего это на планерке: *«Коллеги, тренд на страдание подтверждён. Нужно срочно вывести на рынок линейку “Чистых экзистенциальных кризисов”. Без привкуса ипотеки, только чистая метафизическая тоска. Целевая аудитория платит за премиум-безысходность».*

Леонид отогнал картинку. Его задача была не в моральной оценке. Она была в выживании и сборе улик. Он — энтомолог, которого заперли в его же собственной коллекции застеклённых бабочек. И некоторые из бабочек ещё дышали за стеклом.

Он сделал первую, пробную запись в цифровом «Дневнике шума», который теперь вёлся на защищённом разделе его личного планшета.

*«09:17. Первый контакт с ядром “Эйдоса”.*

*Интерфейс — не инструмент, а манифест. Они верят, что душу можно упаковать, оценить и продать, как кофе сорта “гейша”. Их уверенность пугает больше, чем жестокость.*

*Они работают с “чистотой”, удаляя контекст. Преступление — не в краже, а в создании идеальной, бесплотной лжи. Это не насилие. Это — издевательство над смыслом жизни.*

*Я здесь не дегустатор. Я — брак на конвейере, которому поручили проверять качество других браков. Ирония системы доведена до абсолюта.*

*Задание: найти не брак, а то, что система браком считает, но ошибается. Найти “иммунитет”.*

*Он оторвал взгляд от сфер. Здесь, в этом храме бесчувствия, его собственное проклятие вдруг ощущалось не как недуг, а как единственная живая, незаконная вещь.*

*Внезапно на периферии интерфейса всплыло уведомление, стилизованное под старинную телеграмму — фирменный «клинический шик» «Эйдоса».*

*«Куратор Виктор. Назначено задание: Верификация лота #774-Х. Категория: Базовое сырьё. Подозрение: контаминация резистентным паттерном. Срочно».*

*Леонид медленно выдохнул. Представление окончено. Начинался рабочий день.*

Задание пришло с приложенным файлом — не просто кодом, а целым пакетом данных, помеченным как *«Лот #774-X. Партия “Базовое: Спокойная решимость”. Риск: загрязнение»*.

В описании сухим языком перечислялись параметры: три энграммы, снятые с одного донора в разные дни. Система-анализатор зафиксировала в третьей «аномальную стабильность синаптического отклика, не соответствующую заявленной эмоции». Проще говоря — фальшивка или сопротивление.

Леонид подключил нейроинтерфейс, тонкие лепестки датчиков коснулись висков. «Огнетушитель» он выставил на минимум — чтобы не глушить сигнал, а пропустить его через себя, как сквозь мембрану. Это был риск. Но иначе он был слеп.

Первая энграмма. *«Спокойная решимость (день 1)»*. Сфера цвета тёмной стали.

Он погрузился.

Ощущение было... безупречным. Ровная, холодная уверенность, как у хирурга перед сложной операцией. Ни тени сомнения. Идеальный продукт. Леонид мысленно поставил галочку: *«Чистота 95%. “Эйдос” мог бы ставить эталон»*.

Вторая. *«Спокойная решимость (день 7)»*. Та же сталь, но с едва уловимым ржавым налётом. Фоновая усталость. Донор начинал истощаться. Система, вероятно, сочла бы это «шумом» для последующей очистки. Леонид зафиксировал:

«Деградация сырья. Донор на пределе».

Третья. «Спокойная решимость (день 14)».

Он вошёл в неё — и мир накрылся.

Поверхность была той же холодной сталью. Но под ней пульсировало что-то иное. Не эмоция. Сознание. Не спокойствие, а наблюдение. Тонкий, но невероятно плотный слой осознанности, словно донор не переживал чувство, а играл его, тщательно, кадр за кадром, сохраняя где-то в глубине своё истинное «я» нетронутым. Это было похоже на то, как сам Леонид вёл «Дневник шума» — регистрируя агонию, чтобы не сойти в ней с ума.

«РЕЗИСТЕНТНОСТЬ», — громко стукнуло в его висках.

Он вырвался из образца, едва не опрокинув кресло. Сердце колотилось, но уже не от чужого чувства, а от открытия.

*«Донор не сломался. Он адаптировался. Он научился генерировать образец, который от него ждут, притворяясь пустым, но сохраняя внутри контроль. Как... актёр, играющий свою же собственную смерть настолько убедительно, что палач отворачивается».*

Его руки сами потянулись к метаданным. Код донора: «7-Эта-12».

Память, как нож, вонзилась в сознание. Он слышал этот код. В коридоре «Эйдоса», когда вели ту женщину-«стеклянный шар». Менеджер говорил в комм-линк: «Следующий лот на очереди — бывший нейрохирург, файл 7-Эта-12».

Бывший нейрохирург. Человек, чья профессия — вирту-

озная точность, контроль над живой тканью. Идеальный кандидат, чтобы научиться контролировать и собственную нейронную ткань под пыткой системы.

Леонид осознал: это открытие не спасло донора. Оно лишь сделало его более интересным объектом для наблюдения. Система не уничтожила сопротивление — она его изучает. «Эйдос» был не скотобойней, а лабораторией. И он только что подтвердил ценность одного из подопытных.

В поле «Примечания» к лоту он увидел запись, сделанную, судя по всему, Виктором: *«Резистентность подтверждена. Рекомендация: перевести в категорию “Наблюдение”.* Пометка: *“Потенциал WT?”*»

WT? Что это? Wild Type? Случайно мелькнувшая биологическая аббревиатура? Но в контексте «Эйдоса» любая случайность была маловероятна. Этот нейрохирург был для них не просто донором — он был объектом изучения. Феноменом.

*«А что я тогда? — мелькнула ледяная мысль. — Если он — «дикий тип» под наблюдением, то чем являюсь я, добровольно пришедший в их лабораторию? Приручённым? Или... приманкой?»*

Он отправил Виктору стандартный отчёт: *«Контаминация резистентным паттерном подтверждена. Рекомендую брак».* Формальные, безликие слова. Под ними бушевало понимание: он нашёл слабину в доспехах системы. И это знание было теперь его оружием. И его приговором.

Но перед тем как выйти из системы, он сделал то, на что не имел права. Он скопировал сырые данные третьей энграммы, тот самый паттерн с сопротивлением, в зашифрованный буфер. Улика. И, возможно, ключ. Если один человек смог этому научиться, значит, этому можно научить других.

Он совершил первое настоящее преступление против «Эйдоса». Теперь он был не просто шпионом. Он — диверсант.

Тишина в кабинете давила на уши, гудела в висках. Леонид откинулся в кресле, глядя на пустой экран. Всё, что он узнал за последние дни, упиралось в один вопрос: насколько глубоко в него самого зашли корни «Эйдоса»?

Он не верил в совпадения. Смерть Озерова, «стеклянный шар» матери Веры, резистентный нейрохирург – всё это были шестерни одной машины. Машины по обработке сознания. И он, со своим проклятым даром, был для них... чем? Помехой? Инструментом? Сырьём?

Он сел прямо. Нужны были не догадки, а данные. Система «Эйдоса» была огромной, но, как и любая система, оставляла логи. Он начал с простого: поиск в архивах по нейронным аномалиям, проявившимся в детском возрасте. Фильтр – старше двадцати лет. Таких, чтобы их не смогли подавить.

Результатов было немного. Дюжина записей. Большинство – с сухими пометками «нейтрализован», «адаптирован», «переведён в статус донора».

И одна – выделялась.

**ИДЕНТИФИКАТОР:** Луч-1

**ВОЗРАСТ ПРОЯВЛЕНИЯ АНОМАЛИИ:** 7 лет

**ТИП АНОМАЛИИ:** Абсолютный резонанс. Неподавляем. Неадаптируем.

**КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ:** Субъект спонтанно формирует устойчивую нейронную когерентность при эмоциональном стрессе. Стандартные протоколы глушения не эффективны. Резонансный отклик проникает через любые барьеры.

**СОСТОЯНИЕ:** Альфа-0

**СТАТУС:** Категория «наблюдение». Приоритет: максимальный.

**ПРОЕКТ:** «Исток»

**КУРАТОР:** В.К. (Волохов Кирилл Алексеевич)

**ПРИМЕЧАНИЕ:** Объект не является «диким типом» в обычном понимании. Это – аномалия аномалий. Резонанс не поддается категоризации. В случае подтверждения стабильности – возможно рассмотреть для протокола “Переход” или изоляции как непредсказуемую угрозу высшего порядка.

Леонид прочитал это раз. Потом ещё раз. Медленно, вчитываясь в каждое слово.

**Возраст:** 7 лет.

Его собственные «воспоминания» начинали быть внятными именно с этого возраста. Всё, что было раньше, – размы-

тые пятна света и звука, словно кто-то настраивал проектор.

*Абсолютный резонанс. Неподавляем. Неадаптируем.*

Они нашли для его дара идеальное определение. Это было не просто «чтение эмоций». Это был резонанс – проникновение в самую суть чужого сознания, против которого бесполезны ни барьеры, ни «Огнетушитель». Именно так он чувствовал себя всегда – не читающим, а резонирующим с чужим страданием.

Он почти убедился. Но почти – для учёного не результат. Нужны цифры.

В записи были прикреплены файлы: сырые данные энцефалографии «Луча-1», сделанные много лет назад. Детские мозговые волны, пойманные в момент «проявления аномалии».

Руки Леонида, холодные и влажные, потянулись к клавиатуре. Он загрузил в систему анализа свои собственные свежие нейрограммы – те, что снимал накануне, пытаясь найти «нейронный шов». Он наложил два графика друг на друга: детские волны «Луча-1» и свои, взрослые.

Программа несколько секунд молчала, обрабатывая. Потом выдала результат.

**«СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕЗОНАНСНЫХ ПАТТЕРНОВ.**

**ОБРАЗЕЦ А (ИСТОРИЧЕСКИЙ): “ЛУЧ-1”.**

ОБРАЗЕЦ Б (ТЕКУЩИЙ): СВЕТЛОВ Л.С.

СОВПАДЕНИЕ БАЗОВОЙ РЕЗОНАНСНОЙ СИГНАТУРЫ: 99,7%.

ВЕРОЯТНОСТЬ ОШИБКИ: МЕНЕЕ 0,001%.

ВЫВОД: ОБРАЗЦЫ ПРИНАДЛЕЖАТ ОДНОМУ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКОМУ ИСТОЧНИКУ». 99,7%.

Цифры горели на экране, не оставляя места для сомнений. Это был не вывод. Это был приговор.

Луч-1 – это он.

Его дар – не болезнь, а зарегистрированная аномалия в архивах системы.

За ним с детства наблюдали. Имя наблюдателя – Волохов.

И он был для них не «диким типом», а чем-то худшим – «аномалией аномалий». Непредсказуемой угрозой. Или ключом.

Леонид отодвинулся от стола. В ушах стоял высокий, чистый звон, будто внутри черепа лопнула натянутая струна. Он ждал паники, ужаса, крика. Но пришло не это.

Пришла пустота.

Огромная, всепоглощающая, бесшумная пустота. Как ес-

ли бы в фундаменте здания его личности обнаружили не трещину, а то, что фундамента нет вообще. Всё, что он считал собой – воспоминания, привязанности, боль, – оказалось вшитой легендой. Инсталлированным программным обеспечением для объекта «Луч-1».

Он посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Они были холодными и чужими, как инструменты на хирургическом столе. Он поднял взгляд на тёмный экран, где только что горела цифра 99,7%. В отражении видел своё лицо – бледное, с тёмными кругами под глазами, но спокойное. Нечеловечески спокойное.

В этой пустоте не было страха. Не было даже горя по украденному прошлому – его не было, чтобы горевать. Было только одно: холодная, абсолютная ясность.

Если его «Я» – иллюзия, значит, ему нечего терять.

Если за ним наблюдают, значит, он может начать наблюдать в ответ.

Если он – «аномалия аномалий», значит, он сильнее их правил.

Он медленно выдохнул. Внутри что-то щёлкнуло, как переключатель. Шум в голове стих. Мысли, обычно мечущиеся в паутине чужих эмоций, выстроились в ровную, безэмоциональную линию. Он не чувствовал ничего. И в этом небытии чувств была странная, незнакомая сила.

Он сделал новую запись в «Дневнике шума», но слова пришли другие – жёсткие, лишённые самоанализа:

«16:48. Факт установлен. Я – объект “Луч-1”. Проект “Исток”. Аномалия аномалий. Прошлое – конструкт. Настоящее – поле боя. Будущее – не определено.

*Цель: Узнать, что они сделали с матерью Веры. Полностью. Понять их методы. Найти слабое место. Превратить статус “угрозы” из их файла – в своё оружие».*

Он сохранил запись, стёр все следы своего запроса в системе «Эйдоса» и встал. Пол был твёрдым под ногами. Мир вокруг не изменился, но восприятие мира изменилось навсегда. Он больше не был жертвой, продирающейся сквозь хаос. Он был оператором, наконец-то получившим техзадание на самого себя. И первая задача в этом задании была ясна.

Он перевёл взгляд на поле поиска. Набрал имя матери Веры.

Система ответила мгновенно.

Имя матери Веры повисло в воздухе, написанное голубым светом голограммы. Леонид на мгновение замер, палец застыл над клавиатурой. Это был порог. За ним лежала не просто информация, а окаменевшая боль того, кто стал ему ближе всех за последние годы. Он сделал вдох и нажал «Enter».

Система откликнулась без малейшей задержки. Не так, как с его зашифрованным файлом. Здесь не было защиты. Это была закрытая, но не секретная папка. Дело, сданное в

архив.

На экране возникла фотография. Не та, что он видел у Веры дома – смущённо улыбающаяся женщина с маленькой дочкой на руках. Это был служебный снимок. Анфас, три четверти. Лицо умное, резкое, с прищуром учёного, привыкшего вглядываться в суть вещей. Елена Тихонова. Гениальный лингвист. Специализация: палеолингвистика и поиск универсального пра-кода коммуникации.

Леонид медленно пролистывал документы. Это было не просто досье. Это была хроника уничтожения, написанная сухим языком отчётов.

### РАННИЙ ЭТАП: НАБЛЮДЕНИЕ.

Выдержки из её статей, помеченные системным анализатором: *«Высокий риск спонтанной когнитивной эволюции. Гипотеза “пра-кода” граничит с активацией архетипических паттернов восприятия»*. Кто-то – или что-то – читало её научные работы и ставило диагноз: «опасна».

### ЭТАП КОНТАКТА: ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Копия письма на бланке несуществующего «Фонда когнитивных исследований». Щедрый грант на изучение «влияния древних языков на нейропластичность». Условия: полный доступ к её исследованиям и ежемесячные «профилактические обследования». Она отказалась. В пометке куратора: *«Субъект демонстрирует высокий уровень подозрительности. Отказ интерпретирован как осознанное сопротивление»*.

## ЭТАП НЕЙТРАЛИЗАЦИИ.

И вот здесь язык становился ледяным.

Протокол № 784-Ж.

*Цель: Предотвращение утечки информации категории “Эволюционный риск”.*

*Метод: Контролируемое индуцирование состояния “когнитивной стагнации” (протокол “Стеклянный шар”).*

*Обоснование: Субъект представляет угрозу целостности информационного поля. Добровольная кооперация невозможна.*

Далее шло техническое описание. Не для слабонервных. Слова «селективное подавление гиппокампальной активности», «ингибирование миндалевидного тела с сохранением вегетативных функций». Леонид, как нейрофизиолог, читал между строк: они хирургически, на уровне нейронов, отключили ей способность формировать новые связи и чувствовать, оставив только базовые рефлексy. Создали идеальную, живую пустоту.

И финальная запись:

«ПРОТОКОЛ “СТЕКЛЯННЫЙ ШАР” ЗАВЕРШЁН.

АКТИВ АРХИВИРОВАН В ХРАНИЛИЩЕ “СИЛУЭТ”,  
СЕКТОР 7.

ДОСТУП: ТОЛЬКО ДЛЯ КУРАТОРОВ.

ПРИЧИНА СПИСАНИЯ: ОТКАЗ ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА.

## ПОТЕНЦИАЛ УТРАЧЕН».

Леонид чувствовал, как по спине ползёт холодный пот. Это было не убийство. Это было технологическое расчеловечивание. Они не забрали жизнь, но лишили ее внутренне-го мира.

Но самое чудовищное было в самом низу. Раздел: «РЕ-СУРСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ».

### ИЗВЛЕЧЁННЫЕ ЭНГРАММЫ:

«ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТУИЦИЯ» – Чистота 96%. Продана корпорации “Lingua-Tech” для проекта “Семанти-ческий предсказатель”.

«ЛЮБОВЬ К ДОЧЕРИ (ОЧИЩЕННАЯ ОТ ТРЕВОГИ И ВИНЫ)» – Чистота 99%. Переведена в категорию “Преми-ум: Интонация души”. В резерве для аукциона.

«ПОСЛЕДНЕЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ (МОМЕНТ ОСО-ЗНАНИЯ УГРОЗЫ)» – Чистота 87%. Категория “Экзоти-ка: Крайние состояния”. Рекомендовано для коллекционеров.

Леонид отшатнулся от экрана, как от удара током. Его стошнило. Не физически – ментально. Волна такого омерз-ения, такого холодного, бессильного гнева нахлынула на него, что мир поплыл перед глазами.

Они... разобрали её. Как сложный прибор. Вынули самое ценное: её гений, её любовь, её последний момент челове-ческого достоинства – и выставили на продажу. Её любовь к Вере, очищенная от «шума» тревоги и вины... они превра-тили самую святую вещь на свете в премиальный товар для

богатых, которые хотели почувствовать, будто их кто-то любит.

Он сглотнул ком, вставший в горле. Перед глазами была Вера. Её сдержанность, её острый ум, её молчаливая ярость. Она каждый день навещала пустую оболочку, в которой когда-то жила её мать. И всё это время где-то в мире, в каком-нибудь секретном отсеке «Эйдоса», паттерн любви её матери к ней лежал на цифровой полке, ожидая покупателя.

Это было не преступление. Это было кощунство такого масштаба, что не укладывалось в голове.

Леонид медленно поднялся. Ноги были ватными. Он вышел из кабинета, прошёл по стерильному коридору, не видя ничего. В ушах стоял тот же гул, что и после чтения своего досье, но теперь он был наполнен содержанием. Не своей пустотой – чужим, осквернённым содержанием.

Он понял теперь разницу между собой и матерью Веры.

Его стёрли, чтобы создать удобный объект для наблюдения.

Её стёрли, чтобы уничтожить – и затем использовать. Почти как труп – на органы. Он был экспериментом. Она – ресурсом.

И если с экспериментом можно было что-то сделать, то ресурс... ресурс был израсходован. Окончательно. Бесповоротно.

Это знание было тяжелее, чем открытие его собственной искусственности. Потому что оно касалось не абстракции, а живого человека. Веры. И оно не оставляло места для иллюзий. Враг был не просто жесток. Он был системным, эффективным и абсолютно бездушным. Он не ненавидел. Он утилизировал.

Леонид остановился у огромного окна, выходившего на вечерний город. Огни машин, огни окон. Мир, который не знал, что в его недрах работает фабрика по переплавке душ. Он прислонился лбом к холодному стеклу.

*«Как я ей это скажу? – пронеслось в голове. – Как я скажу, что её мать... что её любовь...»*

Сказать нельзя. Но скрыть – предательство. Значит, нужно найти способ. И найти не для того, чтобы утешить. А чтобы вооружить. Чтобы эта ярость, это знание стали тем горючим, которое сожжёт «Эйдос» дотла.

Он выпрямился. В отражении в стекле он видел своё лицо – бледное, с тёмными кругами под глазами. Но в этих глазах больше не было растерянности. Был холодный, расчётливый огонь.

Он достал телефон. Набрал номер Веры. Пальцы не дрожали.

На улице его ждал обычный вечерний город. Сумрак, огни, люди. Никто не знал, что в здании за его спиной торгуют душами. Леонид стоял, вжимаясь спиной в холодную стену, и пытался дышать. Воздух казался жидким и ядовитым.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от «Эйдоса», автоматическое:

*«Леонид Светлов. Ваша активность сегодня выше среднего. Поздравляем с продуктивностью! Рекомендуем сеанс “Восстановления” в нашей клинике. Для сотрудников – скидка 20%».*

Сухой, интеллектуальный юмор, знакомый по Виктору, кольнул его. Система замечала всё. Даже рвение новичка. Это был не комплимент. Это был маячок: *Мы видим тебя. Не высовывайся.*

Он почти рассмеялся – коротким, беззвучным выдохом, в котором не было ничего, кроме лёгкой икоты отчаяния. Его жизнь была проектом «Исток». Его любовь к «родителям» – сшитой энграммой. Его боль – служебным параметром. Что в нём было настоящего? Кость, кровь, и этот проклятый дар, который теперь казался не болезнью, а единственной аутентичной частью в фабричном изделии под названием «Луч-1».

Позвонила Вера. Её голос прозвучал как луч света в абсолютно тёмной комнате – резкий, чёткий, реальный.

— Ты где? Ты в порядке? Твои биометрические датчики... я видела всплеск. Как будто тебя ударило током.

Он смотрел на тёмные, слепые окна «Эйдоса». В досье был указан метод первичной диагностики “Луча-1” — аппарат “Скальпель-7”, протокол “Расслоение”. Тот же, что стоял

в диагностическом блоке, куда его водили. Если “нейронный шов” был наложен, то аппарат, который его создал, должен был сохранить в памяти не только результат, но и... “отпечаток” того, что было стёрто. Как негатив фотографии. Теоретически. Рискнув активировать протокол снова, он мог увидеть не текущую структуру, а сам момент перезаписи. Это было безумием. Но у безумия была своя логика.

— В порядке, — его голос прозвучал ровно, почти монотонно. — Я в полном порядке. Я только что прочитал свою... медицинскую карту. И её.

Тишина в трубке стала густой и тяжёлой.

— Что там?

— Всё. — Он сглотнул. — Причины, диагноз, протокол. И список того, что они из неё извлекли и продали. Под заголовком «извлечённые энграммы».

На другом конце провода раздался звук — не крик, а короткий, резкий выдох, будто её ударили под дых. Потом — абсолютная тишина, натянутая, как струна.

— Вера?

— Покажи мне, — её голос прозвучал хрипло, сдавленно, но в нём не было сломленности. В нём был лязг стали. — Всё. Каждую строчку. Каждый код. Я хочу знать, кому они продали её... любовь. Я запомню каждое название.

Леонид почувствовал, как по его собственной пустоте

пробежала первая трещина — не жалость к себе, а что-то вроде уважения к этой чистой, неистовой ярости.

— Завтра, — сказал он. — А пока... есть ещё файл. На меня. Он называется «Луч-1». Возраст инициализации — семь лет. Я... — он на секунду запнулся, подбирая слова, которые не раздавят её окончательно, — я, кажется, не совсем... человек. В том смысле, в каком мы думаем. Я продукт той же линии, что и «Эйдос». Только более ранней версии.

На этот раз тишина длилась так долго, что он подумал, связь прервалась.

— Леня, — наконец сказала она, и в её голосе не было ни жалости, ни ужаса. Только ярость учёного, столкнувшегося с неопровержимым, уродливым фактом. — Это меняет всё.

— Да, — согласился он. — И у нас нет права на ошибку. Но прежде чем что-либо менять... мне нужно увидеть. Не записи. Не метаданные. Мне нужно заглянуть туда, куда они вшили этот «нейронный шов». Мне нужно узнать, что они стёрли.

— Ты хочешь... — она поняла мгновенно. Её ум работал с той же скоростью, что и его. — Ты хочешь провести на себе полное сканирование. На их же аппаратуре. Это безумие. Это как добровольно лечь под нож того, кто тебя создал, чтобы посмотреть, что у тебя внутри.

— Именно, — сказал Леонид. И в его голосе впервые за весь разговор прозвучало что-то, кроме усталости. Жажда.

Холодная, нечеловеческая жажда истины. — Если моё прошлое — подделка, то у меня его нет. А если у тебя нет прошлого, то чего бояться? Только будущего. А за него ещё можно бороться.

Он положил трубку. В его груди не было ни страха, ни ярости. Был холодный, ровный пульс исследователя, готовящегося к решающему, смертельно опасному эксперименту. Он был «Луч-1». Он был пустотой, ожидающей наполнения. И первым, что должно было заполнить эту пустоту, была правда. Даже если она убьёт в нём всё человеческое.

Завтра... завтра он заглянет в самую тёмную точку своего существования. И либо найдёт там обломки того, кем мог бы быть, либо не найдёт ничего. И тогда он станет чем-то иным.

Последняя мысль перед тем, как раствориться в толпе:

*«Прошлое — возможно, ложь. Будущее — битва. Настоящее — вот этот холодный воздух, этот гул в висках, этот файл на экране под названием “Луч-1”. Я прочитал диагноз. Завтра я проживу симптом. А после... посмотрим, что останется от пациента».*

## ГЛАВА 7. ШОВ

Тишина в комнате была особого рода — не отсутствием звука, а его густым, вязким осадком. Её нарушало лишь едва слышное жужжание кулера в системном блоке и лёгкий скрип пера Веры по бумаге. Она что-то чертила — не схемы, а скорее нервные, угловатые узоры на полях распечатанной

карты охраны «Эйдоса».

Леонид стоял у окна, спиной к свету мониторов, и смотрел в тёмное стекло. В отражении видел их двоих: её согнутую спину, свой неподвижный силуэт. Картина напоминала ему старую гравюру из учебника по алхимии — учёный и его гомункул перед решающим опытом. Только кто здесь был кем, он уже не был уверен.

— Твой дыхательный паттерн, — голос Веры прозвучал резко, разрезая тишину, — после прочтения файла «Луч-1» напоминает график системы, которую отключили от сети. Резкий скачок, потом — обрыв. И ровная линия на минимуме. Так дышат в состоянии клинической смерти. Или очень хорошие медитаторы.

Она отложила ручку и подняла на него взгляд. В синеватом свете экрана её лицо казалось вырезанным из мрамора — резким, холодным и невероятно живым.

— Я не медитировал, — сказал Леонид, не оборачиваясь. Его голос был ровным, но в нём слышался странный, отдалённый тембр, будто он говорил из соседней комнаты. — Что-то сгорело. Предохранитель. Или... фундамент.

— Фундамент личности? — уточнила Вера. В её тоне не было ни сочувствия, ни насмешки. — И что ты чувствуешь теперь, без фундамента? Панику? Пустоту?

Леонид, наконец, оторвался от окна и медленно повернулся.

— Пустоту — да. Но не такую, как ты думаешь. Не дыру.

Скорее... чистое помещение. После того как вынесли всю старую, громоздкую мебель. Светло, просторно и очень тихо. — Он сделал паузу, подбирая слова. — Раньше внутри постоянно стоял шум. Чужие голоса, эхо чужих чувств. Теперь — тишина. И в этой тишине слышно, как работает твой собственный мозг. Как странно.

Вера молча изучала его. Её взгляд скользил по его лицу, ища привычные признаки стресса — подрагивание века, напряжение в уголках губ. Не находила. Видела только эту новую, пугающую ясность.

— Клинически это интересно, — заметила она, отводя взгляд к экрану. — Но для нашего дела бесполезно. У нас есть факт: ты — продукт их линии «Исток». У них есть карта твоего мозга в семилетнем возрасте. У нас — гипотезы и красивые метафоры про пустые комнаты. Они на двадцать лет впереди.

— Значит, нужно догнать, — тихо сказал Леонид. Он подошёл к столу и положил ладонь на распечатку карты «Эйдоса». Его пальцы легли прямо на сектор глубокого сканирования. — Не изучать их старые карты. Пройти по их маршруту самому. Лечь в тот же сканер. Запустить тот же протокол, что они использовали тогда. «Расслоение».

Вера замерла. Потом медленно откинулась на спинку кресла, сложив руки на груди.

— Хочу уточнить, — сказала она с лёгкой, сухой усмешкой, в которой не было ни капли веселья. — Ты предлагаешь

не украсть отчёт о хирургической операции. Ты предлагаешь добровольно лечь под нож того же хирурга, чтобы посмотреть, как именно он резал в прошлый раз? В надежде, что на этот раз он ограничится демонстрацией?

— Он не будет резать, — возразил Леонид. Его глаза встретились с её взглядом. — Я войду как оценщик оборудования. Для калибровки сканера нужен тестовый образец со... сложной нейронной архитектурой. С артефактами памяти. У меня есть на это право. Это даст нам окно. Тридцать минут. Тебе — доступ к их серверам на время сканирования. Мне — доступ к первичным данным моего собственного стирания.

— Тридцать минут, — повторила Вера, её пальцы уже бежали по клавиатуре, выводя на экран расписание дежурств и лазейки в протоколах безопасности. — Плюс пять на то, чтобы вынести тебя оттуда, если твой «хирург» всё же решит провести внеплановую ампутацию души.

— Если она уже была ампутирована двадцать лет назад, — сказал Леонид с той же странной, отстранённой логикой, — то бояться нечего. Осталось только найти культю. Увидеть шрам. Понять, что именно отрезали. Или... что пришили на место отрезанного.

Он снова посмотрел в окно, на тёмный город. Где-то там, в здании с тёмными стёклами, лежала ответная часть его самого — не память, а её отсутствие, оформленное в виде технологического протокола.

Вера прервала его размышления, постучав карандашом по столу.

— Ладно, анатом. Нашла тебе окно. Завтра, в два ночи, у них ротация охраны и плановое обновление систем. Будет промежуток в семь минут, когда датчики движения в коридоре к лаборатории глушатся для перепрошивки. — Она сделала паузу, её взгляд зацепился за боковое окно на экране, где бежал служебный лог. — И пока я искала дыры в их расписании, нашла кое-что ещё. Побочный продукт. Инцидент двадцатилетней давности. Учёная, Лариса Орлова. После «несанкционированного эксперимента с когнитивными резонансами» её личность была, цитата, «стабилизирована до нейтрального, неактивного уровня». Звучит до жути знакомо?

Леонид медленно кивнул. Слова «стабилизирована до нейтрального уровня» отзывались в нём глухим, знакомым эхом. Он читал те же слова в досье её матери. Это был не диагноз. Это был приговор, вынесенный системой всему, что выходило за её рамки.

— Муж, Матвей Орлов, жив, — продолжала Вера, её голос стал тише, деловитее. — Живёт за городом, в старом доме. После случившегося отказался от всех контактов, закрыл лабораторию. Похоже, сидит там и двадцать лет копит ярость на тот мир, который сломал его жену.

Леонид вздохнул. В его груди, под слоем странной тишины, что-то дрогнуло — не эмоция, а интерес. Острый, холод-

ный, как жало.

— Найди его, — сказал он. — Договорись о встрече. Если его жена изучала то же, что изучаем мы... если она пришла к тому же краю и её столкнули вниз... тогда у него могут быть не просто ответы. У него может быть карта местности. А нам предстоит очень тёмный лес.

— Сначала тебе нужно вернуться из твоего личного леса, — сухо парировала Вера, закрывая ноутбук. — Чтобы было кому эту карту вручить.

Леонид посмотрел на свои руки, лежавшие на столе. Они были бледными, с чёткими синими жилками на запястьях. Не дрожали. Просто лежали, как инструменты, ожидающие применения.

— Значит, начнём с возвращения, — тихо сказал он. — Пора ставить эксперимент.

Ночь в «Эйдосе» была иной, чем днём. Днём это место дышало — тихим гулом систем, шорохом шагов по мягкому покрытию, сдержанными голосами из-за матовых перегородок. Ночью оно замирало. Воздух становился тяжёлым, неподвижным, будто его откачали и заменили стерильным газом, лишённым не только жизни, но и самой возможности жизни.

Леонид шёл по длинному, прямому как стрела коридору. Его шаги, заглушённые ковролином, не оставляли эха. Светились только индикаторы на стенах — крошечные зелёные и красные точки, отмечающие серверные шкафы и аварий-

ные выходы. Они напоминали ему глаза ночных хищников, наблюдающих из темноты.

Он прошёл мимо двери с табличкой «*Дегустационный зал №3*». Днём за этой дверью Сергей или Виктор предлагали клиентам «*пробники счастья*». Сейчас за ней была лишь пустота, пахнувшая озоном и сладковатым, химическим ароматизатором, призванным этот озон скрыть.

Его собственное дыхание казалось ему слишком громким. Каждый вдох отдавался в ушах приглушённым гулом, как шум моря в раковине. Он попытался сбавить темп, выровнять ритм — не из осторожности, а из того нового, странного интереса к работе собственного тела, который возник после «отключения». Легкие расширяются, диафрагма опускается, воздух проходит через трахею — простой механизм, отлаженный миллионами лет эволюции. А где-то рядом, за этими стенами, другие механизмы — куда более молодые — учились этот простой процесс имитировать, упаковывать и продавать.

Мысли текли с той же холодной, отстранённой ясностью, что и в комнате с Верой. Страх, если он и был, находился где-то очень далеко, за толстым слоем стекла. Он наблюдал за потенциальной опасностью, как астроном за далёкой, медленно гаснущей звездой.

Поворот. Ещё один коридор, уже без ковролина. Пол здесь был выложен полированной плиткой, отражавшей тусклый свет потолочных светильников. На стене, прямо перед лиф-

том в зону глубокого сканирования, висела небольшая, едва заметная табличка. Не официальная. Скорее, памятка для своих. На ней был выгравирован тот самый символ: перо, заключённое в круг.

Днём он видел его на лацкане Виктора, воспринимал как часть корпоративного дресс-кода, абстрактный логотип. Сейчас, в молчании ночного коридора, символ выглядел иначе. Он не украшал. Он метил. Как клеймо на бочке с опасным грузом. Как знак, что территория за этой точкой принадлежит не «Эйдосу», а кому-то другому. Тому, для кого «Эйдос» был всего лишь магазином на первом этаже.

Леонид на секунду задержался, изучая гравировку. Перо — инструмент письма, стирания, правки. Круг — законченность, цикл, изоляция. Символ не украшал — он метил территорию. Как клеймо. Знак того, что за этой точкой начинается владение не «Эйдоса», а того, для кого «Эйдос» — всего лишь инструмент. Того, кто не строит и не лечит, а переписывает. Он отвёл взгляд и нажал кнопку вызова лифта. Глухой щелчок, тихое жужжание механизмов где-то в шахте. Двери разъехались беззвучно, впуская его в кабину, стены которой были обшиты тёмным, поглощающим свет материалом. Лифт поехал вниз. Не на парковку, а в подвал — уровень, отсутствовавший на публичных схемах здания.

Падение было плавным, почти неощутимым. Давление в ушах чуть изменилось. Леонид смотрел на свои отражения в тёмных стенах — они были смутными, размытыми, как при-

зраки. Он думал о том, что сейчас сделает. Не о технической части — её они с Верой просчитали. О той части, которую нельзя просчитать.

Он представлял себе момент стирания не как потерю данных, а как хирургическую операцию без анестезии. Когда не больно, но видно, как что-то важное, неотъемлемое, аккуратно извлекают из твоего сознания щипцами, кладут на холодный металл и уносят прочь. Оставляя чистую, ровную поверхность, на которую потом можно нанести любую новую роспись.

Лифт остановился. Двери открылись.

Перед ним был короткий белый коридор, заканчивавшийся массивной дверью из матового металла. Над дверью горела надпись: «*ЛАБОРАТОРИЯ КОГНИТИВНОЙ АРХЕОЛОГИИ. ДОСТУП СТРОГО ПО УРОВНЮ 4*».

Археология. Ирония была настолько плотной, что её можно было порезать ножом. Они копались в разумах, как в древних курганах, вытаскивали на свет обломки чужой души, каталогизировали их и складывали в музейные витрины под стекло.

Леонид поднёс свой временный пропуск «оценщика» к считывателю. Система мигнула зелёным. Массивный засов с глухим стуком ушёл внутрь стены. Дверь отъехала в сторону, впуская его внутрь.

Воздух здесь пах по-другому. Не озоном и не химией. Он пах холодом. Абсолютным, космическим холодом жидкого

азота, чистого кремния и стерилизованной стали. Запах места, где время замирает, а жизнь — в её биологическом, дышащем, потеющем понимании — была нежелательным загрязнением.

В центре комнаты, под слабым светом точечных светильников, стоял сканер. Не тот компактный аппарат для «дегустаций». Это был монолит — массивная цилиндрическая камера из белого композитного материала, больше похожая на саркофаг, чем на медицинское оборудование. К нему вели жгуты толстых кабелей, уходящих в пол. Рядом на стойке мерцали экраны, готовые вывести на них карту того, что когда-то называлось душой Леонида Светлова.

Он подошёл ближе и положил ладонь на гладкую, холодную поверхность аппарата. Металл отнял у кожи тепло мгновенно.

«Завтра в два ночи», — сказал ему внутренний голос, голос того, кто ещё не был пустым местом. Теперь было два ночи. И пустое место стояло перед машиной, которая эту пустоту когда-то создала.

Он глубоко вдохнул, наполняя лёгкие стерильным холодом лаборатории. Не было волнения. Не было сомнений. Была только ясная, неотвратимая геометрия следующего шага. Как в математической задаче, где всё, кроме ответа, уже известно.

Он повернулся к консоли, чтобы начать подготовку системы. Его пальцы легко нашли нужные клавиши. В этой тиши-

не, в этом холоде, в ожидании возвращения в собственную могилу, он чувствовал себя на удивление... на месте.

Система ожила с тихим, нарастающим гулом, похожим на взлёт реактивного лайнера где-то вдалеке. Леонид лежал в коконе сканера, его тело зафиксировано мягкими, но неумолимыми ремнями. В сантиметре от лица — матовая белая поверхность камеры. Свет изнутри был приглушённым, рассеянным, лишённым теней. Как свет в бесконечном, безвыходном тумане.

— Говори со мной, — в наушниках прозвучал голос Веры. Чистый, цифровой, лишённый помех. — Дай знать, что ты ещё там.

— Я здесь, — откликнулся Леонид. Его собственный голос в герметичной камере прозвучал приглушённо, как чужой. — Начинай.

— Запускаю протокол «Расслоение». Первая фаза — картография активных нейронных связей. Не двигайся. Дыши ровно.

Гул сменился другим звуком — ритмичным, пульсирующим пощёлкиванием. Каждый щелчок отдавался в костях черепа лёгкой вибрацией. Леонид закрыл глаза. Под веками поплыли абстрактные узоры — спирали, сетки, мерцающие точки. Это были не галлюцинации, а его собственная нейронная активность, переведённая системой в визуальный ряд и спроецированная обратно на сетчатку. Он видел работу своего мозга со стороны.

*Интересно, — подумал он с холодным любопытством. Сознание, наблюдающее за картой самого себя. Рекурсия.*

— Перехожу ко второй фазе, — сказала Вера. — Глубинный опрос гиппокампа. Ищи... неприятные ощущения. Головокружение, тошноту. Это нормально.

«Нормально». Слово повисло в воздухе, лишённое смысла. Что может быть нормальным в том, чтобы рыться в собственной памяти, как в мусорном баке, в поисках сбоя, который тебя создал?

Щелчки участились, слились в непрерывный высокочастотный писк. И тогда...

Тогда началось.

Не образы. Ощущения. Вспышка во рту — вкус слишком сладкой ваты, которую давали в какой-то поликлинике. Звук — низкий, утробный гул томографа двадцатилетней давности. И холод. Пронизывающий, идущий не снаружи, а изнутри, из самого центра костей. Холод страха семилетнего ребёнка, который не понимает, что происходит, но знает — происходит что-то необратимое.

Леонид ахнул, его тело дёрнулось против ремней. Он не ожидал, что память тела окажется сильнее памяти разума.

— Леня? — голос Веры стал резче.

— Продолжай, — выдавил он. — Это... работает.

Система, получив подтверждение «триггера», углубилась. Писк сменился на ровный, давящий тон. Белый свет перед глазами стал впитываться в сознание, вытесняя всё осталь-

ное. Он не видел комнаты, не чувствовал тела. Он был *точной осознания*, плывущей в молочной белизне.

И в этой белизне начали проступать сюжеты.

Прогулка с отцом. Парк. Карусель. Улыбка отца широкая, но глаза... глаза были плоскими, как у куклы. Леонид-наблюдатель видел это сейчас с ясностью маньяка: мимика не совпадала с микронапряжением лицевых мышц. Улыбка была нарисованной. Отец не радовался. Он изображал радость.

Чтение с мамой. Книжка с картинками. Её голос — тёплый, медовый. Но под ним, едва уловимо, звучал другой голос — металлический, без интонаций, как у синтезатора речи. Навязчивый шёпот, вшитый в запись: *«Ты любишь маму. Мама любит тебя. Это твоё самое тёплое воспоминание»*.

— Нейронный шов, — прошептал Леонид в камеру, его голос был хриплым от ужаса, который он не чувствовал, а лишь констатировал. — Я вижу шов. Они... они не стирали. Они монтировали. Накладывали новый звук поверх старого. Новое чувство поверх...

Его прервал новый, сокрушительный виток системы. Тон стал ниже, гуще. Белизна сгустилась, потемнела до свинцово-серого.

И он упал. Провалился.

Не в обморок. В дыру. В тот самый момент, когда оригинальная память — что бы там ни было — была вырезана, а на её место вставлена подделка.

Не было боли. Было ничто. Абсолютная потеря опоры,

гравитации, направления. Он не падал вниз. Он растворялся. Его «Я» — та сборная солянка из смонтированных чувств и вшитых слов — расплзалась по швам, как старый костюм.

*«Субъект теряет связность, — где-то далеко проговорил его учёный-наблюдатель. — Процесс распада личности. Интересно. Почему я это регистрирую? Почему я ещё могу думать?»*

В серой пустоте мелькнули лица. Не родителей. Другие. Люди в светлых халатах, с безразличными глазами. Они смотрели на него не как на ребёнка. Как на объект. Один из них что-то сказал другому. Леонид не расслышал слов, но поймал интонацию — ту самую, холодную, оценивающую, что была у Виктора. *«Реакция на стимул стабильна. Протокол можно считать успешным».*

И тогда, в самом центре этого распада, когда от Леонида Светлова не должно было остаться ничего, кроме послушного пациента, случилось иное.

Его сознание, лишённое привычных опор, сжалось. Не в точку страха, а в нечто плотное, твёрдое, прозрачное. Как капля воды в невесомости, принимающая форму идеальной сферы. Мысли, эмоции, ощущения — всё это остановилось. Не исчезло. Замерло в абсолютной, кристаллической ясности.

Шум в голове — тот вечный фон чужих жизней — стих. Впервые в сознательной памяти. Наступила тишина. Не глухая, а насыщенная. Тишина чистого резонанса, когда все

струны настроены в унисон и не издают ни звука, лишь вибрируют в совершенном согласии.

Он больше не падал. Он парил в этой тишине. Наблюдал за распадом своего старого «Я» с холодным, безразличным интересом. Это была старая программа, которую наконец-то деинсталлировали.

Голос Веры ворвался в эту тишину, как нож.

— Леня! Твои показатели... всё пошло вразнос, а потом... всё выровнялось. Слишком ровно. ЭЭГ выглядит как прямая линия, но ты не в коме. Что происходит? Что ты чувствуешь?

Голос звучал не только в наушниках — он эхом отдавался в самой лаборатории. Леонид медленно повернул голову в сторону двери. На пороге, с планшетом в руках, стояла Вера. Её лицо было бледным от напряжения. Она взломала локальный сервер и отключила автономный режим камеры, чтобы войти. Нарушила все их планы на тихую утилизацию «образца».

Он попытался ответить. Осознал, что не чувствует ничего. Вместо страха — ясность. Вместо боли — тишина. Вместо себя — наблюдатель.

— Я... не знаю, — его голос донёсся до собственных ушей отдалённо, как по плохой связи. — Но... всё в порядке. Закончи.

В системе что-то щёлкнуло. Гул начал стихать. Свинцовая серая пустота отступила, сменившись привычной белизной

камеры. Тело вернуло себе вес, температуру, неудобное давление ремней.

Сканирование было завершено.

Леонид лежал, не двигаясь, и смотрел в белый потолок камеры. Внутри, там, где раньше бушевал океан чужих чувств, теперь была ровная, холодная гладь. Как лёд на глубочайшем озере. И где-то в его глубине, в этом новом состоянии «Альфа-0», уже тлела первая, чужая мысль: *«Если “Я” можно разобрать до такого состояния... то что можно собрать на его месте?»*

Гул сканера стих, оставив после себя звонкую, почти физическую тишину. Ремни автоматически ослабли, с лёгким шипением втянулись в пазы. Дверь камеры отъехала, впуская прохладный воздух лаборатории, который показался после стерильной белизны внутри невероятно густым и живым.

Леонид не двинулся. Он лежал, глядя в матовый потолок, и слушал тишину внутри себя. Она была иной, чем раньше. Раньше тишина была отсутствием — паузой между приступами шума, которую он с трудом выгрызал у мира. Теперь тишина была присутствием. Самостоятельной, плотной субстанцией, заполняющей всё пространство сознания. В этой тишине отчётливо слышалось биение его сердца — не паническая дробь, а ровный, механический стук насоса. Слышалось движение крови по сосудам — далёкий, почти космический гул.

— Леня.

Голос Веры донёлся не из наушников — она стояла в дверях лаборатории, нарушив протокол. В её руке был планшет, экран которого светился тревожным синим. Её лицо было бледным, а в глазах читалась растерянность учёного перед непознанным явлением.

Он медленно повернул голову. Шея двигалась плавно, без привычной скованности. Каждый позвонок отщёлкивался чётким, ясным ощущением.

— Я здесь, — сказал он. Его голос прозвучал в тишине комнаты странно громко и чужим.

Вера шагнула внутрь, её взгляд прилип к графикам на планшете.

— Твоя электроэнцефалограмма... — она запнулась, что с ней случалось редко. — В момент, который я обозначила как «пик вмешательства», все волны слились в одну. Не в хаос. В идеально ровную синусоиду. Частота — 80 герц. Потом она резко упала до фоновых значений, но паттерн... паттерн остался *неестественно* резонансным. Как будто все нейроны в твоём мозгу внезапно решили плясать под одну и ту же, абсолютно точную музыку. А потом просто... замерли в этом строю.

Она подняла на него взгляд.

— Такого не бывает. Даже в глубокой коме есть шум, артефакты, мелкие колебания. У тебя — почти прямая линия на фоне полного, бодрствующего сознания. Что... что ты чув-

ствовал в тот момент?

Леонид сел. Движение было лёгким, будто тело потеряло половину веса или забыло о гравитации. Он поставил босые ноги на холодный пол лаборатории. Получил чёткое, ясное ощущение: шероховатость полимерного покрытия, температура ровно восемнадцать градусов, лёгкая вибрация от работы где-то далёких систем.

— Я не чувствовал, — ответил он честно. — Всё... осталось. Мысли, эмоции, воспоминания. Не исчезли. Просто перестали иметь значение. Как если бы ты смотрел на бушующее море с высоты десять километров. Ты видишь движение, но не слышишь шума, не чувствуешь брызг. Только... картину.

Он встал. Тело слушалось безупречно, как отлаженный инструмент. Он подошёл к Вере, и та невольно отступила на шаг — не от страха, а от инстинктивного ощущения, что перед ней находится что-то, лишь внешне напоминающее Леонида.

— Это то состояние, — сказал он, глядя поверх её плеча на мерцающие экраны консоли, — которое в моём досье они называли «Альфа-0». Состояние нейронного резонанса. Они ждали, когда я в него войду.

— Они его боялись, — поправила Вера, её голос приобрёл привычную остроту. Она ткнула пальцем в строку на планшете. — Смотри. В служебной заметке: «Объект демонстрирует спонтанный переход в состояние «Альфа-0».

Риски: непредсказуемость, потеря управляемости. Рекомендация: длительное наблюдение, подготовка протоколов нейтрализации на случай угрозы». Они не хотели использовать это. Они хотели контролировать или уничтожить.

Леонид кивнул. Информация не вызвала в нём ни гнева, ни страха. Она легла в сознание, как очередной факт в сложную, но понятную схему.

— Значит, я стал угрозой по их классификации. Хорошо. Он произнёс это так же спокойно, как мог бы сказать «значит, сегодня дождь».

Вера изучала его. Её взгляд был пристальным, сканирующим.

— Ты... изменился. Не только на графиках. Ты говоришь, двигаешься... иначе. Как будто из тебя вытащили стержень, но вместо того чтобы рухнуть, ты... перестроился. На какой-то другой, более жёсткий каркас.

— Старый каркас был иллюзией, — просто сказал Леонид. — Собран из чужих воспоминаний и вшитых эмоций. Его разобрали. Осталось... пространство. И законы, по которым это пространство работает. Они проще. Чище.

Он подошёл к консоли, коснулся пальцем ещё тёплого экрана. Данные его сканирования всё ещё были на сервере «Эйдоса», но Вера уже скачала копию. На экране светилась трёхмерная модель его гиппокампа с подсвеченными участками — теми самыми «швами» и зонами искусственной ак-

тивации.

— Ты нашел то, что искал? — спросила Вера. — Свой «момент стирания»?

Леонид смотрел на мерцающую модель своего мозга, над которым двадцать лет работали неизвестные инженеры.

— Я нашёл не момент, а процесс, — сказал он тихо. — Они не стёрли память. Они... перезаписали её. Слой за слоем. Как поверх старинной фрески наносят новый штукатурный слой и рисуют что-то попроще, что не будет задавать неудобных вопросов. Оригинал не уничтожен. Он... похоронен под наслоениями. Чтобы докопаться до него, нужно сбить всю штукатурку, рискуя обрушить всю стену.

Он отвернулся от экрана. Внутри по-прежнему царила тишина, но теперь в ней зародился новый элемент — направление.

— Но теперь я знаю, где копать, — добавил он, и в его голосе впервые с момента сканирования прозвучало нечто, отдалённо напоминающее решимость. — И знаю, что искать. Следы своих старых воспоминаний. То, что они пытались скрыть. А раз прятали — значит, это было важно. Опасно. Для них.

Вера медленно выдохнула. Она закрыла планшет, отрезав синий свет, и лаборатория погрузилась в полумрак, нарушаемый только зелёными и красными индикаторами аппаратуры.

— Ладно, — сказала она. Её голос вернул привычную, су-

ховатую твёрдость. — Ты нашёл свою яму и даже заглянул на дно. Поздравляю. Теперь давай выметаться отсюда, пока твои новые «показатели» не привлекли внимания их автоматических сторожей. У меня есть что обсудить с тобой на свежем воздухе. Что-то из прошлого, что может пролить свет на наше... ну, на твоё новое состояние.

Леонид лишь кивнул. Он в последний раз обвёл взглядом лабораторию — это белое, стерильное чрево, породившее его дважды: как «Луч-1» и как то, чем он стал сейчас. Потом развернулся и пошёл к выходу, его шаги по-прежнему были лёгкими, беззвучными, как у призрака, который только что вспомнил, где находится его могила, и теперь отправляется делать с этим знанием что-то невообразимое.

Улица встретила их не свежим ветром, а спёртым, тёплым воздухом, пахнущим асфальтом, выхлопами и далёким дымом мусоросжигательного завода. Рассвет ещё только собирался на востоке, окрашивая горизонт в грязно-сиреневый цвет. Город спал беспокойным, механическим сном — мигали светофоры, изредка проносились такси, где-то вдали гудел поезд.

Леонид остановился на пустом тротуаре и вдохнул полной грудью. Воздух был тяжёлым, насыщенным частицами, но для его новых, обострённых ощущений он раскладывался на чёткие компоненты: углеродная пыль, окислы азота, сладковатый ароматизатор из кондиционера проехавшей мимо машины. Он слышал не просто шум — он слышал со-

ставляющие шума: отдалённый гул трансформатора, шипение неисправного фонаря, чей-то сдавленный кашель из открытого окна на третьем этаже.

Мир не наваливался на него, как раньше, грудой неразборчивых, болезненных сигналов. Он раскладывался перед ним, как сложный, но логичный пазл. Каждый звук, каждый запах, каждый проблеск света имел своё место, причину, траекторию. И он, стоя в центре этого пазла, не чувствовал себя его частью. Он был наблюдателем, рассматривающим схему из-за толстого, беззвучного стекла.

— Ты как? — спросила Вера, стоя рядом. Она закуталась в лёгкую куртку, но её выдавала не столько прохлада, сколько лёгкая дрожь в руках, сжимающих планшет — остаточное напряжение после взлома и немого ужаса от увиденных графиков. — Не тошнит? Головокружения?

— Нет, — ответил Леонид, не отрывая взгляда от постепенно светлеющего неба. — Всё... стабильно. Чётко. Как будто мир перешёл с аналоговой записи на цифровую. Та же музыка, но без шорохов и помех.

— Звучит как побочный эффект мощного нейрорептика или повреждения лобных долей, — сухо заметила Вера, но в её голосе не было врачебной тревоги. Было скорее профессиональное восхищение перед аномалией. — Но твои лобные доли, судя по скану, в идеальном порядке. Гиперактивны, если что.

Он, наконец, посмотрел на неё. В тусклом свете зари её

лицо казалось усталым, но глаза горели тем же холодным, неусыпным огнём, что и в лаборатории. Она держала планшет, прижав его к груди, как щит.

— Ты сказала, что есть что обсудить. Из прошлого.

Вера кивнула, её взгляд скользнул по пустынной улице.

— Пока ты был внутри, я не только качала твои данные. Я пробила в служебный архив, в раздел «Закрытые инциденты». Искала всё, что связано со «стабилизацией», «нейтрализацией», протоколами вроде того, что применили к моей матери. — Она сделала паузу, её пальцы сжали край планшета чуть сильнее. — Лариса Орлова не единственная. За двадцать лет — десятки случаев. Учёные, художники, даже дети с «необъяснимыми способностями». Диагнозы разные — от «шизофренического спектра» до «спонтанной нейродегенерации». Но в служебных пометках «Эйдоса» у всех один и тот же маркер: «Алая точка. Риск неконтролируемой когнитивной эволюции. Нейтрализовано».

Она посмотрела прямо на Леонида.

— Они не лечат болезни. Они выжигают ростки... — Её голос дрогнул, не от страха, а от холодной, беспощадной ярости, которую она, наконец, позволила себе выпустить наружу. Ярости учёного, видящего кощунство, и дочери, видящей механизм убийства матери. — Твоё состояние «Альфа-0»... оно, судя по их страхам, и есть один из таких ростков. Только тебя они не смогли выжечь. Ты оказался... устойчивее.

Леонид слушал, и информация укладывалась в сознании, как детали в уже почти собранный механизм. Страх, ярость, жалость — всё это было где-то далеко, за тем самым стеклом. Оставалась только ясность.

— Орлова, — произнёс он. — Она изучала это? Ростки? Эволюцию?

— Она называла это иначе, — сказала Вера, и в её глазах мелькнула тень чего-то, что могло быть надеждой, а могло — одержимостью. — В тех обрывках, что мне удалось найти, она писала о *«резонансных паттернах целостности»*, о *«частоте синхронизации»*, которая снимает *«эпигенетические блоки»*. Она считала, что в основе сознания лежит спящий биологический алгоритм, “пра-код” эволюции, который можно активировать, если мозг войдёт в состояние абсолютного резонанса. Звучит знакомо?

Леонид ощутил привкус чего-то знакомого, но ничего не ответил.

— Её муж, — продолжила Вера, её голос стал тише, но твёрже. — Матвей Орлов. Он не просто сидит в своём доме и горюет. После того как с женой случилось... *это*... он забрал все её записи, черновики, оборудование. Увёз в ту самую деревню. Люди, которые пытались с ним говорить, говорят, что он не сумасшедший. Он опасен. Не в том смысле, что кидается с кулаками. А в том, что он знает что-то такое, после чего с обычным миром разговаривать уже не о чем.

Леонид повернулся к ней, и в его взгляде, обычно рассе-

янном или аналитическом, впервые за этот рассвет появилась фокусировка. Острый, как игла, интерес.

— Найди его. Договорись о встрече. Не как учёный с учёным. Как... — он искал слово и нашёл его с той же холодной точностью, — как аномалия с хранителем знаний об аномалиях. Скажи ему, что мы видели то же, что видела его жена. Что мы нашли «швы». И что мы не собираемся позволить зашить наши рты тем, кто их накладывал.

Вера смотрела на него, и в её усталом лице медленно расплзалась улыбка — не весёлая, а жёсткая, почти оскал.

— Я уже отправила запрос через три анонимных канала. Жду ответа. Если он хоть наполовину тот, о ком говорят... он ответит.

Они стояли ещё несколько минут в молчании, наблюдая, как город постепенно просыпается. Первые фургоны с хлебом, первые одинокие прохожие, первые крики птиц на ещё голых ветках. Леонид смотрел на этот процесс, и в его новой, кристаллической ясности рождалось понимание: он больше не мог быть частью этой обыденности. Его место — в тени, на границе между тем, что считают человеческим, и тем, что человечество отчаянно пытается в себе подавить.

— Мне нужно идти, — наконец сказала Вера, пряча планшет в сумку. — Стереть следы, проверить каналы. Ты... ты будешь в порядке? Один? С этим? — Она кивнула в его сторону, не находя слова для его состояния.

— Я буду в порядке, — ответил Леонид. И это не было

бравадой. — У меня теперь есть инструкция. И карта. Осталось найти на карте свою точку.

Она ещё раз кивнула, коротко, по-деловому, и ушла, растворившись в серых сумерках переулка. Леонид остался один.

Он поднял руку и разжал пальцы, глядя на ладонь, освещённую первым косым лучом солнца. Свет лежал на ней ровным, обычным слоем. Но внутри, под кожей, в тишине костей и резонансе крови, жило теперь нечто иное. Не «Я». Не личность. Чистая, пустая, стабильная площадка, с которой можно было начать новое строительство. Или с которой можно было вести обстрел.

Он опустил руку и пошёл по направлению к своему убежищу, его шаги по-прежнему были беззвучными и точными. В голове, поверх ровного гула «Альфа-Ноля», уже строились планы. Не эмоциональные, не мечтательные. Тактические. Как найти Орлова. Как получить доступ к архиву Ларисы. Как превратить своё состояние из угрозы в систему. Из диагноза — в оружие.

Рассвет окончательно вступил в свои права, заливая улицу холодным, бесстрастным светом. Леонид шёл в этом свете, и его тень, длинная и чёткая, тянулась за ним, как шлейф того, кем он перестал быть. Впереди же была только ясная, безжалостная пустота пути. Но теперь у него был компас.

Он знал, куда идти.

## ГЛАВА 8. АУКЦИОН

Экран монитора светился в темноте, освещая лицо Веры снизу вверх. На нём был календарь событий «Эйдоса», вытянутый из служебной рассылки. Одно событие было подсвечено красным.

— Завтра, двадцать три ноль-ноль, — сказала она, не отрывая взгляда от текста. — «Закрытый просмотр лотов категории “Экзотика: Резистентные активы”. Адрес: складской комплекс “Северный причал-1”. Доступ по списку V-4».

Она щёлкнула пальцем, и на экране возник файл с пометкой «Лот №7».

— Наш старый знакомый. 7-Эта-12. Бывший нейрохирург. Резистентность подтверждена. Рекомендация куратора: «Списание. Паттерн “Хирургическая уверенность” представляет ценность для подготовки операторов».

— Что значит «списание» на таком аукционе? — спросил Леонид. Он сидел в кресле напротив, его лицо было в тени, только руки, сложенные на коленях, освещались синим светом.

— На обычном аукционе лот достаётся тому, кто дал больше, — голос Веры стал плоским, как лезвие. — Здесь лот «списывают» — извлекают из него всё ценное, а оболочку утилизируют. Но сначала его покажут потенциальным заказчикам — чтобы те могли заказать аналогичный «продукт» под свои нужды. Это демонстрация возможностей. Деньги

платят не за лот, а за будущий заказ.

— Значит, у нас есть время до завтра.

— До двадцати трёх ноль-ноль. Потом его повезут в процедурную. И вернётся оттуда он уже не он.

Леонид молча кивнул. Внутри не было всплеска ярости или отчаяния. Была холодная тяжесть, как от гири, положенной на грудь. Он дышал сквозь неё.

— Мы можем это остановить?

— Мы можем попробовать его вытащить, — поправила Вера. — Остановить систему — нет. Это как пытаться остановить конвейер, выдернув из него одну деталь. Конвейер не заметит.

— Но деталь будет спасена.

— Если мы не облажаемся. — Она развернула к нему ноутбук. На экране была схема комплекса, утыканная значками. — Охрана по периметру — стандартная. Сканеры на движение, тепловизоры, патрули. Внутри — сложнее. Основная защита не физическая. Она — нейрорезонансная.

— «Тихие».

— И не только. Система сканирует эмоциональный фон. Любая аномалия — паника, агрессия, даже чрезмерная решимость — запускает протокол. Сначала — сигнал «Тихому». Потом — блокировка выходов. — Она посмотрела на него. — Твой новый... статус. «Альфа-0». Ты говорил, внутри тишина.

— Полная, — подтвердил Леонид. — Как в глухой камере.

— Значит, для их сканеров ты — пустое место. Фоновый шум. Они ищут всплески. А ты — ровная линия. Это наш единственный козырь. Ты можешь пройти внутрь, как тень.

— А ты?

— Я остаюсь снаружи. Буду их глазами и ушами. Взломаю их сеть наблюдения, подправлю логи, когда надо. А когда выйдешь с нейрохирургом — открою нужную дверь и выключу нужную камеру. Но внутри, если что-то пойдёт не так, я тебе не помогу. Ты будешь один.

— У тебя есть план?

— Ты — младший техник по обслуживанию систем жизнеобеспечения капсул. У тебя будут права на доступ в технические зоны. Я внесу тебя в список. Надеюсь, они не сверят его с кадрами в реальном времени до того, как мы всё сделаем.

— А как вывести его? Он же будет под седацией.

— У меня есть схема отключения его капсулы. Ты вводишь код, капсула переходит в ручной режим, седация прекращается. Ему понадобится минута, чтобы прийти в себя. Потом вы идёте к служебному выходу. Я открою. — Она сделала паузу. — Проблема в том, что отключение капсулы отправит сигнал на пульт охраны. У нас будет не больше трёх

минут, пока они разберутся, что это не глюк, и пришлют людей.

— Три минуты от капсулы до выхода.

— В лучшем случае. Если не встретим «Тихого». Если не сработает какой-нибудь датчик, о котором я не знаю. Если твоя «тишина» не сработает, как мы думаем.

Леонид взглянул на схему. Путь был отмечен красной линией, как маршрут снайпера через минное поле.

— Шансы?

— На успешное извлечение и отход без контакта? — Вера прикинула. — Тридцать процентов. На то, что мы вообще выберемся живыми и не пойманными — пятьдесят на пятьдесят.

— Мало.

— Альтернатива — оставить его там. Тогда его шансы — ноль.

Леонид откинулся в кресле, и свет экрана упал ему на лицо. Вера увидела в его глазах не страх, а ту самую пустую, не отражающую свет ясность, что появилась после сканирования. Это было еще страшнее.

— Ладно, — сказал он. — Тридцать процентов — это не ноль. Что нужно сделать?

— Во-первых, проверить твою маскировку на практике. Не здесь. — Она закрыла ноутбук. — Час до рассвета. Сей-

час в “Эйдосе” ночная смена, но кое-кто из охраны делает обходы по расписанию. Мы подойдем к служебному входу на уровень “Дегустации”. Там стоят самые чувствительные сканеры. Если они тебя не засекут — значит, наш козырь работает.

— А если засекут?

— Тогда план провален ещё до начала. И нам придётся бежать. Быстро.

Она встала, потянулась, и кости хрустнули.

— Собирайся. Нам нужен тест-драйв, прежде чем лезть в самое пекло. И, Леня...

Он поднял на неё взгляд.

— Не пытайся там ничего “почувствовать” или “увидеть”. Ты — пустота. Тень. Иди, сделай дело и уходи. Твоя задача — не спасать. Твоя задача — украсть и исчезнуть. Понял?

Он кивнул. Без пафоса, без показной решимости. Как математик, берущийся за сложное, но решаемое уравнение.

— Понял, — сказал он. — Я — пустота. А пустоте нечего терять.

Уголок рта Веры дрогнул в подобии улыбки.

— Вот и славно. Тогда пошли. Пора проверить, на что способен наш живой призрак.

Рассвет был ещё далеко, но ночь уже стала рыхлой, серой, предрассветной. Они стояли в глухой арке напротив служебного входа в «Эйдос». Не тот парадный портал, куда приходят клиенты, а серая дверь в бетонной стене, отмеченная

только скромной табличкой «Поставки. Смена 4».

Дверь охраняли две системы: стандартная камера над козырьком и плоская, чёрная панель с матовой поверхностью слева от косяка — нейросканер.

— Видишь панель? — шепот Веры был едва слышен. Она прижалась к стене, её лицо скрывал капюшон. — Она не читает отпечатки. Она сканирует поле на расстоянии метра. Ищет аномалии в альфа-ритме, микродвижения лицевых мышц, признаки лжи или стресса. Стандартная проверка для низкоуровневого персонала.

— Что мне делать?

— Подойди. Приложи к считывателю пропуск. И ничего не делай. Просто стой. Дыши ровно.

Леонид сделал шаг из арки. Холодный воздух ударил в лицо. Он почувствовал, как внутри что-то щёлкает — не мысль, а инстинкт. Тот самый механизм, что включался в сканере. Щелчок. И внутренний шум, тот постоянный фон чужой жизни, что обычно висел в нём тяжёлым одеялом, — исчез. Не затих. Отключился. Осталась тишина. Абсолютная, мёртвая, как в барокамере.

Он подошёл к двери. Его шаги отдавались в ушах глухо, будто он шёл по вате. Панель сканера была на уровне его груди. Он почувствовал её — не тепло, а лёгкое давление, как от низкочастотного звука.

Он поднёс карту-пропуск к считывателю. Зелёный свет

мигнул.

Панель сканера молчала. Ни зелёного, ни красного света. Ни звука. Она просто была. Как будто смотрела сквозь него.

— Иди, — прошептал в наушник голос Веры. — Медленно. Не оборачивайся.

Он толкнул дверь. Она была тяжёлой, на доводчике, но поддалась беззвучно. Он шагнул внутрь, в короткий коридор с белыми стенами и линолеумом на полу. За ним она автоматически закрылась.

В наушниках — тишина. Потом сдавленный выдох.

— Чёрт возьми. Сработало. На их мониторе ты отобразился как «техник Рогов» с зеленым статусом. Ни одной вспышки на сканере. Они тебя не видят.

— Что значит «не видят»?

— Значит, для них ты — пустое место в форме человека. Иди назад. Медленно. Не торопись.

Он развернулся, вышел обратно на улицу. Дверь закрылась. Он отошёл на несколько шагов, и только тогда позволил себе выдохнуть. Тишина внутри дрогнула, по краям полезли первые обрывки — отдалённый гул машин, собственный учащённый пульс.

— Ладно, — сказала Вера, выходя из тени арки. В её глазах горело не облегчение, а азарт исследователя, чья безумная гипотеза только что подтвердилась. — Маскировка работает. Теоретически ты можешь пройти везде, где нет фи-

зической проверки документов.

— А что с камерами?

— С камерами я поработаю. Но если ты будешь рядом с кем-то, кого они знают в лицо... — она пожала плечами. — Это риск. Ты должен избегать прямых взглядов. Ты — тень. Мебель. Понимаешь?

Леонид кивнул. Он смотрел на свои руки. Они не дрожали. Но в груди, под слоем возвращающейся тишины, kloкотало что-то новое — не страх, а холодное понимание своей инаковости. Он был не человеком, пробравшимся в крепость. Он был вирусом, которого иммунная система крепости не умела распознавать.

— Тогда возвращаемся, — сказала Вера. — У нас меньше суток, чтобы запомнить каждый поворот на схеме. И придумать, что делать, если «Тихий» всё же почувствует тебя не сканером, а чем-то другим.

— А если почувствует?

— Тогда, — она повернулась к нему, и в её глазах не было ни капли утешения, — тебе придётся бежать. Бросить нейрохирурга и бежать. Потому что если «Тихий» тебя засечёт, они поймут, кто ты. И тогда начнется охота не на техника-невидимку, а на «Луч-1». И нас сметут.

Она посмотрела на бледнеющее небо.

— Пойдём. Нам нужно ещё кое-что обсудить. Например, как выносить человека, который три месяца провёл в капсуле и не помнит, как ходить.

Она пошла вперёд, не оглядываясь. Леонид посмотрел на серую дверь, за которой он только что был невидимкой, и последовал за ней. Вопрос вертелся в голове, острый и неудобный:

*А что, если «Тихий» почувствует не потому, что сканер сработает? Что, если он почувствует именно эту пустоту? Как слепой чувствует пропасть перед шагом?*

Он отогнал мысль. Завтра будет не время для вопросов. Завтра будет время действовать. Или умирать.

Секция «резистентных активов» напоминала не морг и не галерею, а хранилище семян в арктическом бункере. Длинный зал с нишами в стенах, в каждой — вертикальная капсула из матового стекла, подсвеченная изнутри мягким, безжизненным светом. Внутри — люди. Не спящие. Замороженные в состоянии искусственного покоя, где не снились даже кошмары. Над каждой нишей плыла голограмма — не имя, а техническое описание.

Леонид шёл за Верой, его шаги поглощала упругая поверхность пола. Внутри царило состояние «Альфа-0» — полной тишины. Внешний мир доносился до него переведённым на язык чистых данных.

*Ниша 44. Актив: жен., 38 лет. Паттерн: «Материнская тоска (девятый уровень чистоты)». Статус: стабилизирован, готов к извлечению.*

*Ниша 12. Актив: муж., 52 года. Паттерн: «Ярость пра-*

*ведника (после катарсиса предательства)». Примечание: требуется дополнительная фильтрация агрессивных импринтов.*

Он читал это, не чувствуя ничего, кроме лёгкого давления в височных долях — признак обработки информации. Это была таксономия распавшихся душ, и его разум регистрировал её с бесстрастностью энтомолога, разглядывающего коллекцию заспиртованных насекомых.

— Вот, — голос Веры в наушнике был тише шёпота. Она остановилась у ниши с маркировкой 7-ЭТА-12.

В капсуле стоял мужчина. Нейрохирург. Лет пятьдесят, лицо с резкими, интеллигентными чертами, которые даже в состоянии искусственного покоя не утратили концентрации. Как будто за стеклом он продолжал оперировать. Голограмма над ним светилась скупыми строками:

*Лот 7-ЭТА-12. Категория: Резистентные активы.*

*Паттерн: «Хирургическая уверенность (уровень 9.8)».*

*Резистентность: подтверждена (серия тестов «Ариадна»).*

*Рекомендация: списание с полным извлечением паттерна.*

*Примечание: побочные импринты (память о дочери) подлежат селективному стиранию.*

Леонид задержал взгляд на последней строке. «Побочные импринты». Для системы воспоминание о ребёнке было технологическим шумом, подлежащим удалению. В его состоянии это вызвало не гнев, а всплеск в лобной коре — маркер когнитивного диссонанса. Данные не сходились с базовыми этическими алгоритмами. *Сбой в логике системы*, — зафиксировал его внутренний протокол.

Вера уже работала. Из её портативного устройства выдвинулся тонкий проводник, который она прислонила к панели управления капсулой. На крошечном экране замелькали строки кода.

— Взламываю блок седации. Держи уши востро. Отключение вызовет волну — тело будет пытаться выйти из стазиса. Их сканеры могут интерпретировать это как всплеск.

Леонид кивнул, отводя взгляд от капсулы и сканируя зал. Его восприятие, отточенное «нулевым» состоянием, улавливало малейшие изменения в фоновом поле. Пока — только ровный гул систем жизнеобеспечения да далёкий, приглушённый шепот из основного зала аукциона.

— Три... два... — считала Вера. — ...один.

Панель капсулы издала тихий щелчок. Мутное стекло на долю секунды помутнело ещё сильнее, затем стало прозрачным. Внутри тело нейрохирурга дрогнуло — он глубоко, рефлекторно вздохнул. Голограмма над нишей мигнула жёлтым: «СТАЗИС ПРЕРВАН. АКТИВ: ПЕРЕХОД В ПАССИВНЫЙ РЕЖИМ».

И в этот момент Леонид почувствовал это.

Не звук. Не свет. Изменение давления.

Как если бы всё пространство зала внезапно втянулось в одну точку, а затем вытолкнулось обратно неслышной, плотной волной. Это была не эмоция, а целенаправленный, подавляющий импульс, идущий по нейрорезонансному каналу.

Тревога. Но не сирена, а тихий, неумолимый сигнал, бьющий прямо в ствол мозга.

— Вера, — его голос прозвучал в наушнике монотонно, но она услышала в нём смену режима. — Резонансный фон изменился. Идёт направленная волна подавления. Частота 4.5 герц. К нам идут.

Его состояние «Альфа-0» под ударами резонансной волны дрогнуло. Не рассыпалось, но по его «пустоте» пошли круги, как по поверхности воды от брошенного камня. Он ощутил лёгкую тошноту.

Из прохода в глубине зала вышел охранник.

Он просто шёл, и от него исходила та самая волна — теперь сконцентрированная, целенаправленная. «Тихий». Он был одет в чёрную униформу без опознавательных знаков, лицо скрывала маска с гладкой, безликой поверхностью. Его движения были плавными, механически эффективными.

Леонид проанализировал его.

*Источник: мужчина 30-35 лет.*

*Физическое состояние: пик.*

*Эмоциональный профиль: отсутствует (искусственно*

подавлен).

*Излучение: волна ментальной анестезии частотой 4.5 Гц.*

*Цель: подавление сознательной активности, приведение к кататоническому состоянию.*

Волна накрыла их. Леонид почувствовал, как его собственные мысли стали вязкими, замедленными. Как будто мозг погружали в густой сироп. Рядом Вера ахнула, схватившись за голову — её незащищённое сознание было уязвимо.

«Тихий» был в десяти шагах. Его рука потянулась к устройству на поясе — не оружию, а усилителю.

Протокол выживания требовал бегства. Но за спиной была капсула с беспомощным человеком, и Вера, которая не могла двигаться. Бегство означало провал. Потерю.

И тогда Леонид сделал выбор.

Он не стал сопротивляться волне подавления. Вместо этого он сделал нечто контр-интуитивное. Он усилил своё состояние «Альфа-0», доведя внутреннюю тишину до максимально возможной. Он не просто погасил свой шум — он стал идеальной, бездонной пустотой, чёрной дырой в ментальном поле комнаты.

И направил эту пустоту на «Тихого».

Для Веры, чьё сознание сжималось от волны подавления, это выглядело так: давление внезапно исчезло, будто вакуумную камеру заткнули пробкой. Но на месте «Тихого» возникло нечто иное — не человек, а дыра. Пятно, в котором

гас не только свет, но и сама уверенность в том, что перед тобой что-то есть.

Для «Тихого», чей алгоритм был настроен на гашение живого хаоса, встреча с нулевой тишиной стала фатальной ошибкой. Его резонансный контур, не встречая отклика, начал затухать, а потом — в поисках хоть какой-то обратной связи — развернулся и ударил по собственному источнику.

«Тихий» замер на полпути. Его маска повернулась к Леониду. Не было ни удивления, ни ярости. Но его плавные движения нарушились. Он сделал шаг, потом ещё один — и споткнулся, будто потеряв ориентацию в пространстве. Его рука, тянувшаяся к усилителю, дёрнулась и повисла в воздухе.

Леонид видел это на уровне данных:

*Целевой паттерн подавления: сбой.*

*Наблюдается десинхронизация моторных функций.*

*Вероятная причина: конфликт базового протокола с неклассифицируемым состоянием объекта (нулевой эмоциональный отклик).*

«Тихий» издал странный звук — не крик, а короткий, механический щелчок, будто у него внутри что-то перегорело. Он рухнул на колени, его тело затряслось в беззвучной, кататонической дрожи. Маска уткнулась в пол.

Эффект подавления исчез.

Но цена пришла немедленно.

Когда Леонид отпустил концентрацию, его собственный барьер, искалеченный противостоянием, рухнул. И в обра-

зовавшуюся брешь хлынуло всё, что он так тщательно сдерживал.

Это не был привычный хаос толпы, а обрывки.

Обрывок ледяной, стерильной ярости от «Тихого» (не эмоция, а алгоритм уничтожения).

Обрывок детского смеха — яркий, как вспышка, из глубин памяти нейрохирурга.

Обрывок чужой, сладострастной жадности от покупателя в основном зале.

Обрывок всепоглощающей тоски от «актива» в нише 44.

Они ворвались в его сознание не как чувства, а как чистые информационные пакеты, нерасшифрованные, неотфильтрованные. Его мозг, привыкший к порядку «нулевого» состояния, воспринял это как системный краш.

Белая, режущая боль пронзила виски. Перед глазами поплыли чёрные и цветные пятна. Он почувствовал вкус крови и озона на языке. Его колени подкосились, и он едва удержался, упёршись ладонью в холодную стену ниши.

— Леня! — голос Веры донёсся сквозь звон в ушах. Она уже держала под руку полубессознательного нейрохирурга. Её лицо было искажено не страхом, а чистой, яростной решимостью. — Держись! Мы идём! Выход в пятидесяти метрах!

Леонид кивнул, не в силах говорить. Он сделал шаг, потом ещё один, отталкиваясь от стены. Мир вокруг плыл, но путь, отмеченный в памяти, светился в сознании чёткой, неумо-

лимой линией.

Он шёл, слушая внутри гул чужой боли и чужих воспоминаний, которые теперь навсегда стали его частью. Он спас одного. Но внутри прибавилось шума на сорок семь человек. Виртуальный дневник Леонида дополнился новым анализом:

*Стоимость операции: успешное извлечение актива.*

*Побочный эффект: временная декомпенсация системы фильтрации.*

*Прогноз: потребуется 8-12 часов на стабилизацию.*

Он последовал за Верой в тёмный проход аварийного выхода, оставив за собой зал капсул, коленопреклонённого «Тихого» и слабый, нарастающий гул настоящей тревоги, которая только сейчас добиралась до физических датчиков комплекса.

Аварийный выход вёл не на улицу, а в чрево комплекса — в низкий, сырой тоннель для прокладки коммуникаций. Единственный свет исходил от аварийных ламп, бросавших на стены пляшущие тени.

Леонид шёл, почти не видя. Его мир сузился до трёх точек: спины Веры впереди, невнятного бормотания нейрохирурга, которого она тащила под руку, и хаоса внутри собственного черепа. Боль была уже не острой, а разлитой, густой, как свинец, залитый в полости за глазами. Обрывки чужих сознаний метались в этой темноте, как летучие мыши в пещере.

*...нельзя уронить скальпель никогда скальпель это продолжение пальцев разрез*

*должен быть чистым как мысль...*

(Фрагмент хирургической уверенности, ядро паттерна, который хотели извлечь).

*...папа я не боюсь просто темно папа...*

(Детский голосок, просочившийся сквозь «побочный импринт». Яркий, как игла).

*...цель обездвижена продолжаю подавление протокол «Немая сцена» активен...*

(Стержневая команда из сознания «Тихого», холодная и безличная).

Он сглотнул горькую слюну, пытаясь отстроить хотя бы примитивный фильтр. Не «Альфа-0» — на это не было сил. Просто шаг за шагом, отсекая липкие щупальца чужих мыслей, как раненый сапёр, обрезающий провода.

— Здесь, — сипло сказала Вера, останавливаясь у тяжелой технической двери со штурвалом. Она приложила к считывателю свою карту, потом украденный ключ-генератор. Замок щёлкнул с неохотным металлическим скрежетом. — Наружу. Машина в ста метрах, за углом второго склада.

Леонид толкнул дверь плечом. На них обрушился пред-  
рассветный холод и резкий ветер с реки. Он вдохнул, и холодный воздух обжёг лёгкие, ненадолго прояснив сознание.

Машина — старый, невзрачный фургон — стояла там, где они оставили. Они втокнули нейрохирурга на заднее сиде-

нье. Мужчина сидел, сторбившись, его глаза блуждали по салону, ничего не видя. Физически он был здесь. Сознание — ещё в капсуле, в промежутке между стазисом и реальностью.

Вера рванула с места, не включая фары, нырнув в лабиринт заброшенных складов.

— За нами... — начал было Леонид, его голос был хриплым.

— Знаю, — отрезала Вера, резко выворачивая руль. В зеркале заднего вида мелькнули далёкие проблески синего — сигнальные огни службы безопасности комплекса, только сейчас выезжавшие на периметр. Они выиграли пять минут. Не больше. — Держись. Доедем до точки смены — переседем.

Он откинулся на сиденье, закрыл глаза. Внутри по-прежнему бушевало, но теперь, в движении, в отрыве от места кошмара, его разум начал сортировать обломки. Детские воспоминания — в одну виртуальную папку. Профессиональные навыки — в другую. Осколки подавления — в карантин. Это не исцеляло, но создавало иллюзию контроля.

Через двадцать минут, в гараже полуразрушенной автомойки, они пересаживались в другую машину — старый седан с фальшивыми номерами. Нейрохирург шёл уже сам, но его движения были медленными, точными и безжизненными, как у андроида с разряженной батареей.

Именно тогда, когда Вера усаживала его на заднее сиде-

нье, мужчина поднял голову. Его взгляд, мутный и несфокусированный, вдруг нашёл Леонида. Не Веру, которая была рядом, а его, сидящего впереди.

Губы нейрохирурга дрогнули. Звук, который он издал, был больше похож на скрип ржавого механизма, чем на человеческий голос.

— Вы... их остановили.

Леонид молча кивнул. Лгать не было смысла.

Мужчина медленно перевёл взгляд на свои руки, лежавшие на коленях. Смотрел на них, как на чужие инструменты.

— Они взяли мою Катю, — сказал он тем же ровным, лишённым интонации голосом. В нём не было ни боли, ни ярости. Была пустота, ещё более страшная, чем отчаяние. — Семь месяцев назад. Диагноз поставили — «синдром тотального эмоционального отчуждения». Не аутизм. Не шизофрения. Они... выключили в ней что-то. Как кран. Она смотрит. Ест. Дышит. Но внутри... тишина. Как у того, кто вас остановил. Только... бездонная.

Он поднял глаза на Леонида, и в этой пустоте вдруг мелькнула искра чего-то живого, острого — не чувства, а вопроса, последней работы ума, который отказывался умирать.

— Вы... вы видите это? Чувствуете? Можете... есть ли там что-нибудь, чтобы починить?

Леонид замер. Вопрос был прямым ударом. Он мысленно обратился к тем обрывкам, что ещё носились в нём — искал, находил тот самый детский голосок. «Папа, я не боюсь...»

Это было воспоминание. Эхо. Не текущее состояние девочки.

— Я... слышу эхо, — честно сказал он, и его собственный голос показался ему ужасно слабым. — То, что было. Не то, что есть сейчас. Чтобы увидеть «сейчас»... мне нужно быть рядом. И даже тогда... — он запнулся, осознавая всю глубину собственного бессилия, — я не знаю, что с ней сделали. Я не знаю, как это обратить вспять.

Искра в глазах нейрохирурга погасла. Он медленно кивнул, как будто получил окончательный, неутешительный прогноз.

— Значит, нужна... инструкция, — прошептал он. — К ремонту души.

Он откинулся на сиденье, снова уходя в себя, и позволил себе провалиться в сон, потому что бодрствовать было невыносимо.

Вера, всё это время молча слушавшая, резко завела двигатель.

— Точка «Гнездо». Через пятнадцать минут, — бросила она в пространство, и в её голосе была сталь. Она смотрела на дорогу, но Леонид знал: этот диалог, эта новая, конкретная рана — дочь, ставшая «тихой», — уже занесена ею в ментальный список причин. В список «почему это нельзя остановить».

Они ехали в тишине. Леонид смотрел в окно на проплы-

вающие огни спальных районов. Внутри, поверх боли и хаоса, зрело новое, тяжёлое понимание.

Он победил «Тихого» не силой, а аномалией. Он спас одного человека, но приговор другому — ребёнку — остался в силе. Его дар был скальпелем без знаний хирурга. Он мог вскрыть, но не мог исцелить. Он был слепым, который вдруг прозрел только для того, чтобы увидеть масштаб разрушения, и у которого не было ни карты, ни инструментов, чтобы это исправить.

*Тактика прямого действия исчерпана.*

*Требуется стратегическое знание.*

*Требуется... теория.*

Это стало его новой целью. Ключом. Единственным ключом от всех клеток в этом кошмаре, включая его собственную.

«Гнездо» оказалось крошечной квартирой на последнем этаже старого дома, пахнущей пылью, старой проводкой и слабым запахом антисептика. Её приготовили заранее — минимальная мебель, заклеенные скотчем окна, аптечка на столе. Здесь их уже ждал человек.

Он сидел на табуретке у дальней стены, в тени, и курил, глядя на дверь. Лет сорок пять, лицо не запоминающееся, разве что усталые, навывкате глаза бывшего врача или лаборанта, видевшего слишком много. Это был их контакт — «Санитар». Бывший техник «Эйдоса», выброшенный системой за попытку стереть собственные долги у начальства.

— Привезли, — констатировал он, его голос был хриплым от курения. — На кушетку. Быстро.

Вместе они уложили нейрохирурга. «Санитар» мельком глянул на него, проверил пульс, зрачки, потом кивнул — жив, стабилен. Его действия были быстрыми, чёткими и абсолютно лишёнными эмпатии, как у механика, принимающего в ремонт сломавшийся агрегат.

— Проживёт, — бросил он, отходя и затягиваясь. — Сознание вернётся через несколько часов, будет как после десятилетней комы. Помните что-то — не помните — лотерея. — Он посмотрел на Веру, потом на Леонида. — Хвоста не было?

— Сбросили, — коротко ответила Вера. — Но систему взбудрили. Они знают, что утечка активна и действует.

— Значит, эту точку пора сливать, — «Санитар» потушил окурок о подошву ботинка. — Через час я его перемещу. Вам — новые ключи, новая точка через двенадцать часов. Правила те же: никаких звонков, никаких следов. Вы для меня — не люди. Вы — логистическая проблема, которую нужно решить с минимальными потерями. Понятно?

Леонид кивнул. Пока «Санитар» рылся в рюкзаке, доставая чистые телефоны и бумажники с фальшивыми документами, Вера открыла свой ноутбук. Экран осветил её лицо снизу, подчеркнув жёсткую линию губ.

— Данные, — прошептала она, больше для себя. — Их система зафиксировала сбой на уровне нейрорезонансной за-

щиты. Анализ помех указывает на аномалию в спектре «нулевой отзывчивости». Они не видят тебя, Леня. Но они видят... дыру. Тень. И теперь у них есть запись этой тени в действии.

Она щёлкнула пальцем, выводя на экран схему.

— И главное — они связали это с доступом «Луча-1». Волохов теперь знает наверняка. Ты не просто сбежал. Ты вышел на тропу войны. И у тебя есть помощник.

Леонид слушал, прислонившись к прохладной стене. Боль в висках отступила до тупого, нудного гула. Хаос внутри улёгся, осев на дно сознания тяжёлым шлаком, который ещё долго придётся вычищать. Он чувствовал свинцовую усталость.

— Мы спасли одного, — сказал он вслух, и его голос прозвучал чужим даже для него самого. — Чтобы понять, что не можем спасти его дочь. Потому что не знаем правил игры, в которую играют те, кто её сломал.

Он посмотрел на Веру. Она оторвалась от экрана, её взгляд был острым, аналитическим.

— Значит, нужно изучить правила. Не эмпирически, методом тыка, получая по голове за каждый неверный шаг. Нужна... карта.

— Карта болезни, — кивнула Вера. — Если «Эйдос» — это симптом, то нам нужна не сыворотка, а полная иммунология этого кошмара. Патогенез. Чтобы лечить — нужно по-

нимать механизм.

— Чтобы понять механизм, — Леонид закончил мысль, глядя в тёмное, заклеенное окно, за которым таился чужой, враждебный город, — нужны были те, кто пытался его описать до нас. Те, кого система стёрла за такие попытки.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только ровным дыханием нейрохирурга на кушетке.

— Орлова, — тихо произнесла Вера. — Лариса Орлова. Её архив. Её теории. Если кто-то и пытался составить карту этой чумы, то это была она. Они её «нейтрализовали». Но муж... Матвей Орлов. Он жив. Он наверняка хранит ее записи. И он — наш следующий лот.

Она произнесла это без пафоса. Как следующий пункт в алгоритме. Спасти актив → получить данные → выйти на информатора → найти архив.

«Санитар», закончив собирать вещи, бросил на них бесцветный взгляд.

— Ваша философия меня не колышет. Вы задерживаетесь. Через пятнадцать минут я уйду, и вы уходите. Окончательно. Оставляете здесь всё, включая сантименты.

Леонид оттолкнулся от стены. В его движениях не было прежней скованности, но и лёгкости «Альфа-0» тоже не было.

Он подошёл к кушетке, в последний раз взглянул на лицо нейрохирурга. Мужчина спал теперь естественным сном,

на лбу выступила испарина. Во сне его губы шептали что-то неразборчивое. Может, имя дочери. Может, название забытого препарата.

*Мы заберём тебя позже,* — пообещал Леонид мысленно, не зная, будет ли у него возможность выполнить это обещание.

— Пойдём, — сказал он Вере. — Нам нужен адрес Матвея Орлова. И нам нужен ключ к тому, что он охраняет.

Они вышли из «Гнезда», оставив за дверью запах пыли, антисептика и чужой, на время отсроченной беды. Рассвет уже размывал черноту неба до грязно-серого цвета. На улице было пусто и тихо.

Леонид шёл, чувствуя, как новый день ложится на плечи более сложным уравнением. Они выиграли битву. Но битва лишь показала масштаб войны и их катастрофическую нехватку знаний.

Вера шла рядом, её пальцы уже стучали по экрану телефона, начиная новый поиск. В тишине между ними висело общее понимание:

Охота закончилась. Началось расследование.

Принцип «спасти одного» оказался тупиковым. Новый принцип звучал иначе: «Понять, чтобы спасти всех». И первая глава этой инструкции лежала в архиве женщины, которую система стёрла за попытку её написать.

## ГЛАВА 9. ХРАНИТЕЛЬ И КЛЮЧ

Утро в новом убежище пахло пылью, старой краской и электрической тревогой. Воздух был неподвижным, как перед грозой, которой не суждено разразиться. Вера сидела, впившись в экран ноутбука, её поза напоминала сжатую пружину. Леонид стоял у заклеенного скотчем окна, наблюдая, как серый рассвет выедаёт из ночи контуры соседней трубы. Внутри — состояние «Альфа-0», неполное, хрупкое, как тонкий лёд на луже. Шум города доносился сквозь стёкла приглушённым гулом. Данные.

— Дерьмо, — выдохнула Вера, её голос прозвучал в тишине громко и резко, как выстрел. — Это не адрес. Это... кроссворд для параноика.

Леонид медленно обернулся. Его движения были экономичными, без лишних усилий. Он подошёл, посмотрел на экран. На нём были не координаты, а список: выцветшая вырезка из научного журнала 2010 года, пять отключенных городских телефонов, ссылка на диссертацию о влиянии низкочастотных полей на мицелий грибов и фотография какого-то цветка в гербарии.

— Они хотели, чтобы его нашли только свои, — пробормотала Вера, проводя рукой по лицу. — Или чтобы никто не нашёл. Стоило дёрнуть эту нитку — они бы узнали.

Леонид смотрел не на шифр, а на модель. Его сознание, отсекая эмоциональный шум (её раздражение, свой усталый фон), работало как фильтр. Даты статей. Номера телефонов, которые были активны двадцать лет назад. Ботаниче-

ская ссылка.

— Это не шифр для взлома, — сказал он, и его голос прозвучал ровно, как дикторский текст. — Это — след. Она оставила следы для тех, кто думает в той же системе координат. Для коллег.

Вера подняла на него взгляд. В её глазах читалось: «Ну и что?».

— Дай мне её статью, — попросил Леонид. — Ту, что про мицелий.

Он сел напротив, не касаясь стула спиной, в позе, которую выработал за годы — минимум контакта, максимум готовности к движению. Прочитал аннотацию. Сравнение нервных сетей с мицелием. Поиск шаблонов в бесшумном диалоге биосистем. Её мышление было картографией связей, а не сбором фактов.

— Проверь, — сказал он, не отрываясь от текста, — совпадают ли даты отключения телефонов с датами её ключевых публикаций. И с выходом этого журнала.

Вера замерла на секунду, потом её пальцы снова заплясали по клавиатуре. Скрежет мышки, щелчки.

— Чёрт. Совпадают. Телефон отключили через неделю после публикации статьи о синхронных волнах в мозге. Следующий — через месяц после доклада на конференции в Новосибирске...

— Значит, каждый отключённый номер — это веха, — заключил Леонид. — Месяц и год. А фотография цветка...

— Это не просто цветок, — Вера увеличила изображение. На этикетке гербария еле читались буквы: «*Orchis mascula*. Сбор: окр. ст. Ботанический сад, оранжерея №3. 2008 г».. — Это место сбора. Старый ботанический сад. Оранжерея номер три.

Она посмотрела на Леонида. В её взгляде уже не было раздражения, а появился тот самый азарт исследователя, который он видел в метро, когда она разгадывала «Эйдос».

— Значит, он там. В заброшенной оранжерее. Которую она использовала как... что? Полевую лабораторию? Убежище?

— Как точку отсчёта, — сказал Леонид, вставая. Лёд внутри него треснул, и на поверхность выплыла первая за это утро мысль, не связанная с тактикой или болью: интересно. — Для системы координат, которую понимали только двое. Она и он.

Вера уже собирала вещи, её движения снова стали быстрыми и точными.

— Прекрасная конспирология. Надеюсь, твой хранитель не окажется параноиком, который заминировал вход. У меня планов подрываться на растении-хищнике на сегодня нет.

Уголок губ Леонида рефлекторно дрогнул.

— Будем надеяться, что его паранойя избирательна. И направлена в другую сторону.

Они вышли на улицу, в холодное, сырое утро. Воздух об-

жѐг лёгкие. Леонид сделал глубокий вдох, пытаясь сбросить остаточное напряжение. Впереди была встреча. И от этого было не менее страшно. Потому что теперь ставкой были не их жизни, а их право на правду. А это, как он начинал понимать, куда более хрупкая валюта.

Ботанический сад походил на кладбище, где забыли поставить памятники. Аллеи заросли бурьяном, стеклянные павильоны стояли с выбитыми стѐклами, как пустые глазницы.

Оранжерея №3 была не самой большой, но самой разрушенной. Каркас из ржавого металла держал осколки стекла, сквозь которые буйно лезла наружу какая-то лиана, похожая на щупальца спящего монстра. Вера замедлила шаг, её взгляд автоматически сканировал каркас, проѐмы, заросли, выискивая неестественные тени или следы присутствия. Пальцы сами сомкнулись на корпусе планшета в её сумке — на всякий случай.

— Уютненко, — процедила она. — Прямо просится на обложку журнала «Заброшенная архитектура и её ядовитые обитатели».

Леонид не ответил. Он стоял на пороге зияющего проѐма, где когда-то была дверь, и слушал. Не ушами. В состоянии «Альфа-0», которое он теперь мог включать точно, как фонарик, его восприятие считывало не звуки, а резонанс. Обычное заброшенное место било в психику фоном — тихим хаосом распада, плесенью, крысиной суетой.

Здесь было иначе.

Повсюду висел ровный, глубокий гул. Не звуковой, а ментальный. След долгой, сосредоточенной человеческой мысли, впечатавшийся в само место, в сырые стены, в воздух, насыщенный испарениями тысяч растений. Это было похоже на то, как пахнет библиотека старых книг — не конкретным запахом, а обещанием смысла.

— Здесь кто-то есть, — тихо сказал Леонид. — Живёт внутри... этого.

Он шагнул внутрь. Под ногами хрустели стёкла и глина. Внутри царил полумрак, пронизанный лучами света, пробивавшимися сквозь дыры в крыше. Это был тропический лес на помойке. Гигантские папоротники пробивали асфальт, лианы оплели рухнувшие балки, в застойных лужах у корней цвела зелёная тина. И везде — запах. Густой, сложный, живой.

И посреди этого хаоса — порядок.

На расчищенном пяточке земли, у корней огромного, чахлого дерева с гладкой корой, сидел на корточках мужчина. Он копался у основания ствола, счищая что-то маленькой лопаткой. На нём были выцветшие рабочие штаны и просторная рубаша, с закатанными до локтей рукавами. Он не обернулся на их шаги.

Леонид остановился в десяти шагах. Его «нулевое» состояние зафиксировало профиль: мужчина, 55-60 лет. Физическое состояние — хорошее, мышечный тонус садовника, а не

офисного работника. Эмоциональный профиль — глубокий покой, почти медитативный. Но не пустота «Тихого». Это был покой концентрации, как у хирурга перед разрезом.

— Вы пришли по её следам, — произнёс мужчина, не поднимая головы. Его голос был низким, немного хрипловатым, как ствол этого дерева. — Значит, что-то увидели. Большинство просто видят руины.

Он, наконец, отложил лопатку, вытер руки о штаны и поднялся. Его лицо было изрезано морщинами, но не старое — выжженное солнцем и вниманием. Глаза, серые и острые, мгновенно нашли Леонида, проигнорировав Веру. В них не было ни страха, ни любопытства.

— Мы нашли её архив в данных «Эйдоса», — начала Вера, её голос прозвучал неестественно громко в этой тишине. — Нам нужен доступ. Мы...

— «Эйдос», — перебил её мужчина, и в этом слове не было ничего, кроме лёгкого, усталого презрения, как к назойливой мухе. — Они нашли её архив двадцать лет назад. И стёрли. Вы нашли то, что они оставили после себя. Сор. Вы хотите доступа к сору?

Он сделал шаг вперёд. От него не исходило угрозы, но Вера инстинктивно отступила на полшага. Леонид стоял неподвижно.

— Мы нашли след, — сказал Леонид. Его собственный голос после долгого молчания прозвучал чужим. — Не в данных. В её логике. В том, как она прятала это место. Мы раз-

гадали её шифр.

— Шифр? — Матвей мягко усмехнулся, и в этой усмешке было что-то бесконечно печальное. — У Лары не было шифров. У неё был... почерк. Она не пряталась. Она оставляла подписи на мире для тех, у кого глаза настроены на её частоту. — Его взгляд снова впился в Леонида. — Вы что, настроились?

Леонид молча кивнул. Слова были лишними. Матвей изучал его несколько долгих секунд, потом медленно кивнул в ответ, как будто поставил какую-то внутреннюю галочку.

— Ладно, — сказал он просто. — Раз пришли, угощу вас чаем. А там видно будет. Только предупреждаю — сахар кончился. И нормальных стульев тоже нет.

Он развернулся и пошёл вглубь оранжереи, не оглядываясь, будто был абсолютно уверен, что они пойдут за ним. Вера перевела взгляд на Леонида.

Леонид лишь пожал плечами и пошёл следом.

Уголок, куда вёл их Матвей, был не гостиной, а командным пунктом, захваченным джунглями. Книги, сложенные в башни на расчищенном от растений полу, были прикрыты от сырости кусками полиэтилена. На ящике из-под инструментов стоял походный газовый баллончик с синей горелкой и эмалированный чайник, покрытый слоем известкового налёта. Рядом — три жестяные кружки. Всё дышало временным пристанищем, растянувшимся на два десятилетия.

Матвей включил горелку, синее пламя с шипом вырва-

лось наружу, отбрасывая на его лицо резкие тени.

— Садитесь, если найдёте куда. Стул один. — Он кивнул на обрубок дерева, служивший табуреткой.

Вера осталась стоять, приняв позу «я тут ненадолго». Леонид опустился на корточки, спиной к стене, в своей привычной позиции минимального контакта и максимального обзора.

— Вы — Матвей Орлов, — начала Вера.

— А вы — те, кого Волохов вывел в расход, но не добил, — также спокойно ответил Матвей, засыпая в чайник горсть тёмных, скрученных листьев. Запах был резким, травяным, не чайным. — И теперь рыщете по помойкам его системы в поисках оружия. Поздравляю. Вы нашли главную свалку. Мою.

— Мы нашли Ларису Орлову, — поправил Леонид. Его голос прозвучал в тишине между треском пламени и шорохом листьев на ветру. — Вернее, след, который она оставила. Нас интересует не оружие. Нас интересует диагноз.

Матвей на мгновение замер, держа в руке крышку чайника. Потом поставил её на место с тихим лязгом.

— Диагноз, — повторил он без интонации. — У вас болен кто-то? Родственник? Друг? Или, — его взгляд снова стал острым, сканирующим, — пациент?

— Вся система больна, — сказала Вера. — «Эйдос»...

— Симптом, — отрезал Матвей. — Кашель. Насморк. Я спрашиваю не про симптомы. Я спрашиваю про причину.

Почему её стёрли? Не убили в переулке. Не посадили. Именно стёрли. Выскоблили из реальности, как неудачный рисунок с холста. Что в ней было такого, что требовало не просто устранить, а... аннулировать?

Он смотрел на них, и теперь в его глазах не было ни усталости, ни печали.

Вера открыла рот, чтобы заговорить о подавлении, о контроле, об угрозе системы. Но Леонид её опередил.

— Вы хотите, чтобы мы увидели это сами, — тихо сказал Леонид. — Не через отчёты. Не через данные. Прямо.

Матвей медленно кивнул. Он потянулся к одной из башенок книг, сдвинул полиэтилен и достал оттуда не книгу, а небольшую деревянную шкатулку, почерневшую от времени. Открыл её. Внутри, на бархатной подкладке, выцветшей до серого цвета, лежала закладка. Простая полоска вышитого шёлка, когда-то, наверное, синего, а теперь поблёкшего до цвета неба перед дождём.

— Её работа, — сказал Матвей, и в его голосе впервые прозвучало что-то живое — нежность, закалённая двадцатью годами тоски. — Она её всегда носила в книге. Не как украшение. Как... якорь. Чтобы не потерять мысль. — Он протянул закладку Леониду. — Возьмите. Расскажите, что чувствуете. Не анализ, а то, что приходит *до* мыслей. Если сможете.

Леонид взял закладку. Шёлк был холодным и скользким под пальцами. Он закрыл глаза, отсекая визуальный шум

оранжереи, треск огня, насторожённое дыхание Веры. Щелчок. Состояние «Альфа-0» включилось не как щит, а как линза. Он направил всё своё восприятие не вовне, а на этот маленький кусочек материи, пропитанный временем и прикосновениями.

И тогда он увидел. Не картинки. Не слова.

Состояния.

Первым пришло нечто, от чего перехватило дыхание — не в груди, а в самом сознании. Это было... ясность. Глубокая, алмазная, непоколебимая. Не пустота его «Альфа-0», а наполненная тишина. Тишина горного озера, в котором отражается всё небо. Это была её основа. Её фундамент. То, из чего росло всё остальное.

И на этом фоне — вспышки. Яркие, но не слепящие. Не хаос, а праздник.

Вспышка — триумф открытия. Сладкий, острый вкус «Эврика!», когда все пазлы сошлись.

Вспышка — азарт спора. Жар интеллектуальной дуэли.

Вспышка — нежность. Тёплый, золотистый свет, исходящий от образа мужчины (молодой смеющийся Матвей), и маленькой девочки (дочь? мысль мелькнула и исчезла).

И поверх всего этого — шрам.

Не боль. Не страх. Нечто иное. Грубое, безличное, хирургическое воздействие. Как будто стерильным скальпелем провели по живой картине, стирая краски и смысл. Оставляя после себя не пустоту, а плоскую, мёртвую копию того,

что было. Насильственный порядок. Идеальная, ужасающая чистота забвения.

Леонид открыл глаза. Он дышал чаще, чем хотел бы. Ладонь, сжимавшая закладку, слегка дрожала.

— Они... не разрушили её, — выдавил он, и его голос был хриплым. — Они накрыли. Как... плёнкой. Грязной, мутной. Чтобы узор не резал глаз. Чтобы не было видно, насколько он... цельный. Живой.

Он посмотрел на Матвея. Тот стоял неподвижно, но его лицо изменилось. Каменная маска треснула. В глазах было горькое удовлетворение, давно искомое свидетельство того, что он не сошёл с ума за эти двадцать лет. Что то, что он помнил, было правдой.

— Да, — тихо сказал Матвей. Голос его дрогнул лишь на секунду, затем снова стал твёрдым. — Она называла это «насильственной редукцией». Они не могли принять её сложность. Её... масштаб. Поэтому подменили её простотой. Своей. — Он взял закладку из ослабевших пальцев Леонида, положил обратно в шкатулку, как святыню. — Вы видите разницу. Значит, вы не от них. Вы, молодой человек, у вас... своеобразный взгляд на мир.

— Это не взгляд, — поправила Вера, её голос звучал приглушённо от потрясения. Она видела, как изменился Леонид. — Это диагноз. В прямом смысле.

— Диагност, — кивнул Матвей, наливая в кружки тёмный, пахучий отвар. — Что ж, это уже кое-что. Чай готов.

Пейте. Он горький, но проясняет мысли. А потом... потом я покажу вам, что она оставила после себя. Не шифр. Не архив. Я называю это Зеркалом.

Чай оказался не просто горьким. Он был ядрёным, вяжущим, как будто в нём заварили кору, землю и молотые гвозди. Леонид сделал глоток — вкус ударил в мозг, на секунду прочистив остаточный туман от аукциона. Вера лишь пригубила, скривилась и поставила кружку на ящик.

Матвей допил свою порцию до дна, будто это был простой чай с бергамотом, а не зелье лесного колдуна.

— Прояснило? — спросил он, глядя на Леонида.

— Да, — честно ответил тот. Мысли действительно встали на свои места. Усталость никуда не делась, но теперь она перестала быть помехой.

— Отлично. Значит, можно двигаться.

Он отодвинул одну из башен книг. Под ней оказался не пол, а грубо сколоченный люк из потемневших досок. Матвей поддел его ломом, который стоял тут же, прислонённый к стене. Раздался скрип ржавых петель, и в оранжерею потянуло запахом сырого камня, старого металла и слабого, но стойкого запаха озона — как после тихой грозы в закрытой комнате.

Леонид шагнул последним. Вспыхнувшая керосиновая лампа выхватывала из мрака призраков старой науки: башни пожелтевших журналов на стеллажах, угловатые силуэты

осциллографов с потухшими экранами. В центре, как алтарь в храме забытого бога, стояла странная конструкция.

— Вниз, — коротко бросил Матвей, беря с ящика керосиновую лампу. Он чиркнул спичкой, и жёлтый свет заплясал на стенах, превращая и без того сюрреалистичные джунгли в декорации к опере о безумии.

Лестница была крутой, из скобленных временем бетонных ступеней. Леонид шёл следом за Матвеем, Вера — за ним, её дыхание было слышно в тишине подземелья. Влажность оседала на коже холодной плёнкой.

Они спустились в подвал. Это была не кладовка и не бомбоубежище. Это был кабинет учёного, законсервированный во времени.

Стеллажи, заставленные журналами в твёрдых переплётах с потрескавшимися корешками. Столы, заваленные приборами, которые Леонид видел только на картинках в учебниках по истории науки: осциллографы с зелёными экранами, генераторы сигналов с вращающимися ручками, паяльные станции. В центре комнаты стояла самая странная конструкция — что-то вроде сферического каркаса из медных трубок, опутанных проводами, внутри которого на тонких стержнях висели кварцевые пластины. От неё тянулись толстые коаксиальные кабели к стойке с ленточными накопителями — огромным бобинам с магнитной лентой.

— Она не доверяла цифровым сетям, — сказал Матвей, ставя лампу на стол. Её свет выхватывал из мрака причуд-

ливые тени аппаратуры. — Говорила, что любая сеть — это ухо. А любая цифра — это уже перевод, упрощение. Она работала с... первичными колебаниями. С тем, что рождается в нейроне до того, как станет мыслью или чувством.

Он провел рукой по медной сфере, смахнув пыль.

— Это — «Зеркало». Не метафора. Она пыталась создать резонансный сканер, который считывает не активность мозга, а его... фантомную архитектуру. Тень от ещё не зажжённого света. Большую часть она так и не достроила. Но ядро архива — здесь. В колебаниях, записанных на эти ленты и в кварцевые резонаторы. Чтобы прочесть, нужен не пароль, а ключ-резонанс. Тот самый, который вы только что продемонстрировали.

Матвей повернулся к Леониду. В жёлтом свете лампы его лицо выглядело вырезанным из старого дерева.

— Вы смогли увидеть её эталон в куске шёлка. Значит, сможете повторить его достаточно, чтобы камертон «Зеркала» откликнулся. Вы — единственный ключ, который у меня остался. — Он указал на странный головной убор, лежавший рядом с одним из мониторов. Это был самодельный нейроинтерфейсный обруч, спаянный из проводов и плат, с несколькими датчиками-присосками. — Это — дверь. И ручка одновременно.

Вера подошла к стойке с бобинами, её пальцы осторожно коснулись матовой поверхности одной из лент.

— И что... мы сможем увидеть, если он откроет дверь?

Теории? Расчёты?

Матвей горько усмехнулся.

— Теории были на бумаге. Их сожгли в первую очередь. «Зеркало» хранит не теории. Оно хранит следы. Отпечатки процессов. Лабораторные журналы в форме частот. Первое, на что оно настроено... — он перевёл взгляд на Леонида, — ...это её последнее большое исследование. Каталог. Каталог тех, кто умирал от того же, что, как она считала, могло однажды спасти всех нас.

Он сделал паузу, дав словам повиснуть в сыром, холодном воздухе подвала.

— Готовы взглянуть в лицо болезни, диагност?

Леонид взял в руки нейроинтерфейсный обруч. Пластик был холодным и неуклюжим, провода торчали в разные стороны, как щупальца умершего кальмара. Эта технология была не от «Эйдоса» — плавная, стерильная, убийственно эффективная. Это был рукотворный инструмент для рукотворного чуда.

— Не пытайтесь «считать» или «понять», — сказал Матвей, подключая обруч к одной из старых панелей с гнездами. Раздалось сухое щёлканье реле. — Просто... вспомните. То состояние, которое вы поймали в закладке. Ясность. Тишину. Сделайте его своим фоном. Станьте камертоном.

Леонид кивнул. Он закрыл глаза. Внутри ещё стоял горький вкус чая и отзвук того алмазного спокойствия Ларисы.

Он не пытался его анализировать. Он попытался войти в резонанс с впечатком, оставленным в шёлке.

Щелчок. «Альфа-0» включилось. Внутри тишина, как чистый лист. И на этот лист он мысленно нанёс тот самый узор — не картину, а его качество. Качество горного воздуха. Качество абсолютной уверенности в том, что два плюс два равно четырём.

Сначала ничего. Только тихий гул в ушах.

Потом — вибрация.

Она началась не в наушниках и не в костях. Она зародилась где-то в затылке, в том месте, где сходятся позвоночник и череп. Лёгкое, едва уловимое дрожание, будто кто-то провёл смычком по краю стеклянного бокала.

Медные спирали «Зеркала» отозвались.

Тихий, низкий гул заполнил подвал. Не механический — природный, как шум моря в раковине. Кварцевые пластины внутри сферы затрепетали, поймав свет лампы, и заиграли радужными зайчиками на стенах.

— Есть контакт, — прошептала Вера, больше себе, чем им. Она смотрела на экран старого векторного монитора, подключённого к стойке. На зелёном свечении возник не текст и не изображение. Возник узор. Динамический, пульсирующий, похожий на визуализацию сердечного ритма, но в тысячу раз сложнее.

Леонид не видел монитора. Он чувствовал. В его сознание, настроенное на частоту Ларисы, стали поступать пакеты

данных. Как сгустки структурированной информации, вложенные прямо в образцы его мозговых волн.

Это было похоже на то, как слепой читает шрифт Брайля — не глазами, а кончиками пальцев, ощущая форму. Только «пальцами» были нейронные сочетания, а «шрифтом» — закодированные состояния.

«Зеркало» спрашивало.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.